33
Г47

Р. Гильфердинг.

БЕМ-БАВЕРК

КАК

КРИТИК МАРКСА.

ПОГАШЕНО

РЕДКИЙ ФОНД

Перевод с немецкого

[redacted]

33
Г 48

БИБЛИОТЕКА-ЧИТАЛЬНЯ
имени Я. М. Свердлова

Проверено в 1934 г.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

МОСКВА.—1920.

ПРОВЕРЕНО в 1937 году

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стран.

Введение 1

I. Ценность, как экономическая категория . . 5

II. Ценность и средняя прибыль 19

III. Субъективная точка зрения 41

БИБЛИОТЕКА
Области и Горкома
курсов при
ВКП(б)
6311 32374

33
Г47

ПОГАШЕНО
32374
1957

Появление третьего тома «Капитала» прошло достаточно бесследно мимо буржуазной экономической науки. Из «веселой погони», которую ожидал Зомбарт *), ничего не вышло. Не возникло никакой новой борьбы умов, и «сражение in majorem scientiae gloriam» не состоялось. Ибо в настоящий момент на теоретическом поприще буржуазная экономика не ведет больше веселых и отважных битв. Как оратор, говорящий от имени буржуазии, она выступает только там, где затрагиваются практические интересы последней; верно отражая в хозяйственно-политических битвах наших дней конфликты интересов правящих клик, она боязливо избегает рассматривать общественные отношения в их совокупности, справедливо чувствуя, что подобное рассмотрение несоединимо с ее существованием, как *буржуазной* экономической науки. И даже там, где она в своих «Основах» и «Очерках» в силу необходимости должна говорить о связи общественного целого, она не может иначе подойти к этому целому, как путем кропотливого составления его из отдельных частей. Она перестала быть принципиальной и систематической, и сделалась эклектической и синкретической. И когда «теоретик социальной экономии» Дитцель, сделав приятную мину к плохой игре, возводит эклектизм в принцип, это только последовательно с его стороны.

Исключение представляет только психологическая школа политической экономии. Подобно классикам и марксистам, она стремится понять экономические явления с единой точки зрения. Она противостоит марксизму, как законченная теория, и может поэтому подвергать его систематической критике, которая при диаметральной противоположности исходных точек зрения стала необходимостью. Уже в 1884 году Бем-Баверк в своей «Истории и критике теорий прибыли» завязал полемику с первым томом, а на появление третьего тома он отозвался обстоятельной антикритикой **), основные мысли которой мы находим в недавно вышедшем втором издании его «Истории» ***). Он думает, что ему удалось доказать несостоятельность экономической теории

---

*) Zur Kritik des oekonomischen Systems von Karl Marx» Brauns Archiv. VII, стр. 587.

**) «Zum Abschluss des Marxschen Systems» Staatswissenschaftliche Arbeiten. Berlin 1896.

***) Böhm-Bawerk: «Geschichte und Kritik der Kapitalzinstheorien», 2-е издание. Инсбрук 1900.

Библиотека ... Я. М. Свердлова

марксизма, и провозглашает с полной уверенностью «начало конца теории трудовой ценности», которое яко бы наступило с выходом третьего тома.

Его принципиальная критика, которая не нападает на отдельные произвольно выхваченные места, или выводы, но ставит под знак вопроса и объявляет несостоятельными самые основы Марксовой системы, дает возможность для плодотворной дискуссии, которая к тому же, принимая во внимание, что обсуждению подвергается вся система в целом, должна быть более глубокой, чем та полемика, которую обычно вызывают возражения эклектиков, покоящиеся на недоразумениях и касающиеся частностей.

I.

Ценность как экономическая категория.

Исходный пункт Марксовой системы образует анализ товара. Против него прежде всего и обращает Бем свою критику.

Маркс не дает, якобы, ни эмпирического, ни психологического доказательства своего тезиса о том, что принцип ценности следует искать в труде; он предпочитает проложить «третий, для данного предмета, несомненно несколько странный путь доказательства: путь чисто логического доказательства, диалектической дедукции из сущности обмена» *).

Он берет у Аристотеля мысль, что обмен не может существовать без равенства, равенство же немыслимо без соизмеримости. Исходя из этого, он изображает обмен двух товаров в виде равенства, заключает, что в обоих обмениваемых и, следовательно, приравниваемых вещах должно заключаться нечто общее, имеющее одинаковую величину, и переходит к поискам того общего, к чему должны быть сведены вещи, приравненные друг к другу, как меновые ценности. Наиболее уязвимым местом Марксовой теории являются, по мнению Бема, те логические и методические операции, при помощи которых труд как бы отдестиллируется в качестве этого «общего свойства». Они, думает Бем, содержат в себе почти столько же основных научных ошибок, сколько отдельных положений. Прежде всего Маркс просеивает через решето из всех ценных для обмена (очевидно годных для обмена. Р. Г.) вещей, только вещи, заключающие в себе свойство, которое он намерен в результате выделить как «общее», оставляя в стороне все остальные. А именно он с самого начала ограничивает, якобы, объем своего исследования «товарами», которые он определяет как продукты труда, в противоположность дарам природы. Однако совершенно очевидно, если обмен действительно означает приравнивание, предполагающее наличность «чего-то общего, в равном размере», то это общее должно быть налицо у всех, способных к обмену благ, не только у продуктов труда, но и у чистых даров природы, как земля, дерево на корню, сила воды и т. д. Исключать эти имеющие меновую ценность блага, значит совершать методологический смертный грех, который тем менее может быть оправдан, что некоторые из этих благ, как, например, земля, принадлежат к важнейшим объектам имущественных прав и оборота; при этом ни в коем случае нельзя утверждать, что меновые ценности (нужно было бы, конечно, сказать цены! Р. Г.) даров природы всегда устанавливаются чисто случайно.

*) См. «Geschichte etc.» стр. 511 и сл. «Zum Abschluss etc.» стр. 151.

Маркс, якобы, избегает также дать ясный отчет в исключении этой категории благ. Наоборот, здесь, как во многих других случаях, он умеет с диалектической ловкостью, напоминающей изворотливость угря, обходить щекотливые места. Он избегает, будто бы, обратить внимание на то, что понятие «товара» уже, чем понятие блага, обладающего меновой ценностью; наоборот, он стремится постоянно затушевать это различие. И он должен это делать, ибо если бы Маркс в решающий момент не ограничил своего исследования продуктами труда, но попытался бы найти общее также и у природных благ, обладающих «меновой ценностью», то, думает Бем, ясно как день, что труд не мог бы быть этим общим свойством. Сам Маркс и его читатели должны были бы споткнуться о грубую методологическую ошибку, если бы вышеуказанное ограничение было произведено *открыто*. Только удивительная диалектическая изворотливость, с помощью которой Маркс легко и быстро скользит мимо щекотливого места, сделала возможным этот кунштюк.

Только такими неправильными приемами и достигает, якобы, Маркс того, что труд вообще мог вступить в конкуренцию с другими свойствами. Прочие конкурирующие свойства устранены двумя дальнейшими соображениями, из которых каждое содержит немного слов, но зато заключает в себе грубейшую логическую ошибку. В первом из них Маркс исключает «геометрические, физические, химические или какие-либо иные естественные свойства», ибо «их телесные свойства подлежат здесь рассмотрению вообще лишь постольку, поскольку от них зависит полезность товаров, т.-е. потребительная ценность. Очевидно, с другой стороны, что меновое отношение товаров характеризуется как раз своей независимостью от их потребительной ценности», ибо «в пределах менового отношения каждая данная потребительная ценность играет совершенно ту же роль, как и всякая другая, если только она имеется в надлежащей пропорции» *).

Маркс, по мнению Бема, совершает здесь грубую ошибку. Он смешивает абстракцию от какого-нибудь обстоятельства вообще с абстракцией от специальной модальности, под которой выступает данное обстоятельство. Можно отвлечься от специальной модальности, под которой выступает потребительная ценность товара, но отнюдь не от потребительной ценности вообще. Это Маркс мог бы усмотреть уже из того, что не существует меновой ценности, которая не была бы в то же время потребительной ценностью,—обстоятельство, ему самому хорошо известное.

Здесь мы разрешим себе прервать изложение хода мыслей Бема маленьким отступлением, которое осветит нам не только логику, но и психологию главы психологической школы.

Когда я отвлекаюсь от специальной модальности, под которой является потребительная ценность, т.-е. от потребительной ценности в ее конкретной форме, я, *для себя лично*, отвлекаюсь от потребительной ценности вообще, ибо для меня она существует только в этой своей конкретности, как потребительная ценность такого-то и такого-то рода. Что эта вещь для других может представлять потребительную ценность, т.-е. может быть вообще полезной для кого-нибудь, ничего не меняет в том обстоятельстве, что для меня она перестала быть потребительной ценностью. И только в тот момент,

*) Срв. «Капитал» т. I. Перев. под ред. Степанова и Базарова, стр. 4.

когда она перестала быть для меня потребительной ценностью, я обмениваю ее. Это имеет буквальное значение в применении к развитому товарному производству. Здесь каждый отдельный производитель производит один товар, который для него самого может иметь потребительную ценность разве в отдельном экземпляре, но никогда в своей массе. То, что этот товар полезен для других, является предпосылкой его пригодности к обмену, однако, будучи бесполезной для меня, потребительная ценность моего товара *не может служить мерилом*, хотя бы даже моей индивидуальной оценки, не говоря уже о том, чтобы быть объективным масштабом ценности. Мы не выйдем из затруднения, сказав, что потребительная ценность товара состоит в способности быть обмениваемым на другие товары. Ибо это означает, что величина «потребительной ценности» определяется теперь величиной меновой ценности, а не величина меновой ценности—величиной потребительной.

До тех пор, пока блага производятся не с целью обмена, следовательно, не как товары, пока обмен представляет собой явление случайное, пока обмениваются только излишки, до тех пор блага противостоят друг другу лишь как потребительные ценности.

«Их количественные меновые отношения первоначально совершенно случайны. Обмениваются они лишь актом воли владельцев, желающих взаимно отчудить их друг другу. Между тем, потребность в чужих предметах потребления мало-по-малу укрепляется. Постоянное повторение обмена делает его регулярным общественным процессом. Поэтому с течением времени по крайней мере часть продуктов труда начинает производиться специально для обмена. В этот момент, с одной стороны, закрепляется разделение между полезностью вещи для непосредственного потребления и полезностью ее для обмена. Ее потребительная ценность отделяется от ее меновой ценности. С другой стороны то количественное отношение, в котором обмениваются вещи, делается зависимым от самого их производства. Обычай фиксирует такие количественные отношения как величины ценностей» *).

Фактически Маркс абстрагирует только от определенной модальности, в которой выступает потребительная ценность. Ибо потребительная ценность остается «носителем ценности». Это само собой разумеется, ибо «ценность» есть лишь экономическая формулировка потребительной ценности. Констатирование этого, само собою разумеющегося обстоятельства приобретает значение лишь в виду анархии современного способа производства, которая при известных условиях (переполнение рынка!) лишает товары их потребительной ценности, а тем самым и ценности вообще.

Вернемся к Бему. Еще хуже, полагает он, обстоит дело со вторым членом в цепи Марксовых умозаключений. Маркс утверждает, что если мы отвлечемся от потребительной ценности товаров, то у них останется только *одно* свойство, а именно, что они являются продуктами труда. Однако спрашивает возмущенно Бем, разве у товаров не остается еще массы других свойств? Разве не обще всем им свойство обладать той или иной степенью редкости по отношению к потребности или быть предметом спроса и предложения, предметом присвоения, продуктом природы, или причинять издержки производства, свойство, о котором Маркс так отчетливо вспоминает в третьем томе.

---

*) Ср. «Капитал» т. I, стр. 54. Перев. под ред. Степанова и Базарова.

Почему принцип ценности не должен заключаться в одном из этих свойств? Ибо ведь в пользу труда Маркс, по мнению Бема, не привел ни одного положительного основания, но только отрицательные, доказывая, что этим общим не может быть потребительная ценность, от которой он так счастливо отделался при помощи абстрагирования. Но разве это отрицательное основание не может в равной мере послужить на пользу всем прочим общим свойствам, пропущенным (!) Марксом? Более того: Маркс сам замечает: «вместе с полезным характером продукта труда исчезает и полезный характер представленных в нем работ, исчезают, следовательно, различные конкретные формы этих работ; последние не различаются более между собою, но сводятся все к одинаковому человеческому труду, к абстрактному человеческому труду» *). Этим он говорит, что для менового отношения не только какая-либо потребительная ценность, но также любой вид труда «играет ту же роль, как и всякий другой, если только он имеется в надлежащей пропорции». Те же самые моменты, основываясь на которых Маркс только-что исключил потребительную ценность, остаются, думает Бем, в силе и по отношению к труду. Труд и потребительная ценность, говорит Бем, имеют качественную и количественную сторону. Так же, как различны потребительные ценности стола и пряжи, так же различаются между собой труд столяра и труд прядильщика. И так же, как разные виды труда можно сравнивать между собою в количественном отношении, точно так же различного рода потребительные ценности можно сравнивать по их величине. Совершенно необъяснимо, почему тождественные фактические условия должны вести к исключению одного конкурента и к увенчанию другого. Маркс, по мнению Бема, с тем же успехом мог бы применить обратный прием и устранить труд путем такой же абстракции от него.

Так отражается логика и методология Маркса в голове Бема. По мнению последнего, Маркс применяет совершенно произвольные приемы. Хотя он и вводит весьма хитро в обмен только продукты труда, на что, по мнению Бема, не имеет никакого права, но ему все же так и не удается привести хотя бы малейшее доказательство того, что общее свойство товаров, обнаруживаемое при обмене, следует искать в труде. Марксу, так полагает Бем, ничуть не больше, чем представителям классической политической экономии, посчастливилось в поисках хотя бы малейшего доказательства того положения, что труд составляет принцип ценности.

Критический вопрос Бема, на который Маркс, якобы, дал столь неправильный ответ, сводится к тому, насколько Маркс имел право объявить труд *единственно* созидающим ценность, и наша антикритика должна, прежде всего, показать, что анализ товара содержит в себе искомый ответ.

Бем усматривает в Марксовом анализе противопоставление полезности и свойства быть продуктом труда. Однако здесь,—и в этом мы согласны с Бемом,—нет никакой противоположности. Большинство вещей, чтобы стать полезными, должны сначала подвергнуться обработке. Наоборот, для оценки полезности вещи безразлично, стоила ли она труда и в каком количестве. То обстоятельство, что данное благо является продуктом труда, не делает его еще товаром. Но только как *товар* благо определяется противоположностью

*) Ср. «Капитал» т. I, стр. 4. Перев. под ред. Степанова и Базарова.

потребительной ценности и ценности. Но благо становится товаром, когда оно вступает в отношение к другим благам, отношение, которое становится явным в обмене и с *количественной* точки зрения выступает как меновая ценность блага. Свойство функционировать в качестве меновой ценности исчерпывает характер блага, как товара. Но один товар сам по себе не может вступать в отношение к другому; это вещественное отношение различных благ друг к другу может быть лишь выражением личного отношения их владельцев. Но как товаровладельцы, они выступают в качестве носителей определенных производственных отношений; в качестве независимых друг от друга и равных производителей, выполняющих частные работы, но частные работы особого рода, имеющие в виду не личное потребление, но обмен, следовательно, частные работы, которые предназначены не для индивидуального, но для общественного удовлетворения потребностей. Таким образом, при помощи обмена продуктов восстанавливается общественная связь в коллективе, разложенном на атомы, благодаря частной собственности и разделению труда.

Товар, таким образом, это—экономическое выражение, т.-е. это выражение общественных отношений, независимых друг от друга производителей, поскольку связь между ними поддерживается обменом благ. Противоположность определений товара, как потребительной ценности и ценности, противоположность натуральной и ценностной формы, выступает теперь перед нами как противоположность самого товара, поскольку он, с одной стороны, является *естественной* вещью, а с другой стороны,—*общественной* вещью. Здесь, таким образом, мы действительно имеем дело с дихотомией, когда один член исключает другой и наоборот. Однако это лишь противоречие способов рассмотрения. Товар есть единство потребительной ценности и ценности, и только лишь способ рассмотрения является двояким: как вещь, относящаяся к миру природы, товар—объект общественной науки, политической экономии. Предметом политической экономии является, таким образом, общественная сторона товара, блага, поскольку последнее является символом общественной связи, в то время как естественная сторона, потребительная ценность лежит вне поля зрения политической экономии *).

Но товар может быть выражением общественных отношений лишь постольку, поскольку он сам рассматривается как продукт общества, как вещь, на которую общество наложило свою печать. Однако для общества, которое ничего не обменивает, товар есть не что иное, как продукт труда. И члены общества могут вступать друг с другом в экономические отношения лишь поскольку они работают один для другого. Это материальное отношение в своей исторически определенной форме выступает как обмен товаров. Продукт всего общественного труда представляется как совокупная ценность, которая в отдельном товаре получает количественное определение, проявляясь как меновая ценность. Если товар для общества является продуктом труда, то теперь труд благодаря этому получает определенный характер—общественно-необходимого труда. Товар не выступает более как продукт труда различ-

*) „Этим объясняется, почему немецкие компилляторы толкуют con amore о потребительной ценности, обозначая ее именем «благо»... разъяснения понятия о благах следует искать в «руководствах по товароведению» (ср. Критика некоторых положений политической экономии. Стр. 2. Пер. П. П. Румянцева. 1896. Тот, кому знакомы новейшие „основы“ наших профессоров политической экономии, сумеет оценить актуальность этого, написанного в 1859 г., замечания post tot discrimina rerum.

ных субъектов; наоборот, эти—последние являются простыми «органами труда». Труд отдельных лиц превращается для экономического рассмотрения в свою противоположность в общественный труд. Условия труда, создающего ценность, являются, следовательно, общественными определениями труда или определениями общественного труда.

Процесс абстракции, при помощи которого Маркс переходит от понятия конкретного, частного труда к абстрактно-человеческому, общественному труду, не только не идентичен, как полагает Бем, но прямо противоположен тому, с помощью которого Маркс исключает потребительную ценность.

Потребительная ценность есть индивидуальное отношение вещи к человеку. Если я абстрагируюсь от его конкретности,—а я должен это делать, если я отчуждаю вещь, и этим показываю, что она перестала для меня быть потребительной ценностью—то я разрушаю этим данное индивидуальное отношение. Однако потребительная ценность только в своей индивидуальности может быть масштабом моей личной оценки. Если же я, напротив того, абстрагируюсь от того конкретного способа, которым я затратил свой труд, то во всяком случае остается налицо факт, что труд вообще, в его всеобщей человеческой форме был затрачен; это—объективная величина, мерой которой является ее продолжительность во времени.

Это и есть та объективная величина, которая в данном случае интересует Маркса. Он ищет ту общественную связь, которая соединяет внешне разъединенных агентов производства. Общественное производство, а вместе с тем соответствующая ему материальная основа общества, с качественной стороны со стороны его рода, определяется способом организации общественного труда; эта организация, возникнув в силу причинной зависимости из экономической потребности, вскоре фиксируется юридически, путем закона. Это «внешнее регулирование» образует логическую предпосылку экономики; оно дает те формы движения, в которых отдельные члены общества, работающие или располагающие трудом других, вступают в отношения друг к другу. В обществе, построенном на разделении труда и индивидуальном владении, это отношение выступает в форме обмена и выражается как меновая ценность. Общественная связь является результатом частных отношений и притом результатом отношений не отдельных лиц, но отдельных вещей. Это именно и мистифицирует всю проблему. Но когда вещи вступают в отношение друг к другу, то труд отдельного лица, их создавший, приобретает значение лишь постольку, поскольку он заключает в себе расходование своей собственной противоположности—общественно-необходимого труда.

Таким образом, результат качественно определенного общественного процесса производства количественно выражается в общей массе затраченного общественного труда. Как некоторая часть общественного продукта труда,—а только в этом качестве он и фигурирует в меновом обороте—отдельный товар определяется количественно содержащейся в нем долей совокупного рабочего времени.

Следовательно, товар как ценность определяется с общественной точки зрения, он—общественная вещь. Только, как таковая, он рассматривается в экономической науке. Но если задача экономического анализа общественного строя состоит в том, чтобы открыть внутренний закон движения этого обще-

ства, и если закон ценности призван оказать нам эту услугу, то принцип ценности не может заключаться не в чем ином, кроме того момента, к изменению которого в конечном счете могут быть сведены все изменения общественного строя.

Всякая теория ценности, которая исходит из потребительной ценности, а, следовательно, из естественных свойств вещи, все равно в ее ли законченном виде, как полезной вещи, или из ее функции, заключающейся в удовлетворении потребностей, исходит из индивидуального отношения между вещью и человеком вместо того, чтобы исходить из общественных отношений людей друг к другу. Она впадает, таким образом, в ошибку, которая заключается в желании вывести объективное общественное мерило из этого субъективного, индивидуального отношения, которое может служить исходным пунктом лишь для субъективных оценок. Но так как это индивидуальное отношение равным образом присуще всем состояниям общества и само в себе не заключает принципа изменения, ибо развитие потребностей и возможности их удовлетворения в свою очередь само обусловлено, то эта теория должна отказаться от поисков общественных законов движения и тенденции его развития. Ее точка зрения неисторична и несоциальна. Ее категории, это—естественные и вечные категории.

В противоположность этому Маркс, исходя из труда в его значении элемента, конституирующего человеческое общество и своим развитием определяющего в последней инстанции общественное развитие, принимает в качестве принципа ценности тот фактор, качественная и количественная стороны которого—организация и производительные силы—*причинно* господствуют над общественной жизнью. Поэтому основное понятие *политической экономии* то же, что и *основное понятие исторического материализма.* Оно должно быть одним и тем же, так как экономическая жизнь есть только часть исторической жизни, и, следовательно, экономическая закономерность должна быть такой же, как и историческая. Поскольку труд в его общественной форме становится мерилом ценности, политическая экономия конституируется как историческая и общественная наука. Вместе с тем, экономическое исследование ограничивается определенной эпохой исторического развития, когда благо становится товаром, т. е. когда труд и право распоряжения им не возводятся сознательно в принцип, регулирующий общественный обмен веществ и общественную власть, но когда этот принцип пролагает себе путь бессознательно и автоматически, как естественное свойство вещей, при чем своеобразная форма, которую общественный обмен веществ принимает в обмене, приводит к тому, что труд отдельных лиц лишь постольку приобретает значение, поскольку он является общественным трудом. *Общество тем самым распределило необходимое для него количество работы между своими членами и сказало каждому, сколько труда он должен затратить.* Но отдельные лицъ об этом забыли, и вот лишь впоследствии в самом общественном процессе они узнают, какова была их доля.

Итак, закон ценности потому обладает реальностью, и труд потому является принципом ценности, что он есть та общественная связь, которая соединяет разложенное на атомы общество, а не потому, что он является важнейшим техническим фактом. Взяв исходным пунктом общественно необходимый труд, Маркс создает возможность понять внутренний механизм общества, ба-

зирующегося на частной собственности и разделении труда. Для него индивидуальное отношение между человеком и хозяйственным благом служит предпосылкой; в обмене выявляется не различие индивидуальных оценок, но одинаковость исторически определенных производственных отношений; только при наличности этих производственных отношений хозяйственное благо превращается в товар, как символ, как вещественное выражение личных отношений, как носителя общественного труда; и только в качестве символа, выражающего производную *тех же отношений*, может принимать характер товара и продукт, не являющийся результатом труда.

Мы, таким образом, подошли к возражению Бема: каким образом продукты природы могут иметь «меновую ценность». Естественные условия, в которых совершается труд, даны обществу как нечто неизменное; из них, следовательно, нельзя вывести изменения общественных отношений. Изменяется только способ, каким труд достигает господства над этими естественными условиями. Степень, в которой это ему удается, определяет степень производительности труда. Изменение производительности касается лишь конкретного труда, создающего потребительные ценности; однако в то время, как масса продуктов, в которой находит себе воплощение труд, создающий ценность, возрастает или уменьшается, в каждом отдельном экземпляре овеществляется большее или меньшее количество труда, чем раньше. И поскольку какая-нибудь сила природы находится в распоряжении одного лица, что бого рода, имеющие в виду не личное потребление, но обмен, следовательно, ного общества уровень, постольку он в состоянии реализовать некоторую сверхценность. Эта сверхценность, будучи капитализирована, представляет собой ценуприродной силы, в большинстве случаев того участка земли, с которым она связана. Земля не есть товар; она получает, однако, характер товара в длительном историческом процессе как условие производства товаров. Выражение: ценность, или цена земли есть лишь иррациональная форма, скрывающая за собой действительные производственные, а следовательно, ценностные отношения. Земельная собственность не создает той части ценности, которая превращается в сверхприбыль, но она позволяет землевладельцу переложить эту сверхприбыль из кармана фабриканта в свой собственный карман. Приписывая дарам природы собственную ценность, Бем впадает в физиократическую иллюзию, будто рента проистекает из природы, а не из общества.

Так смешивает Бем повсюду естественные условия с общественными. Это проявляется особенно ясно в его перечне тех общих свойств, которые еще имеются у товаров. Тут перед нами пестрая смесь: факт присвоения есть юридическое выражение исторических отношений, которые мы должны предполагать для того, чтобы вообще был возможен обмен благ, это—«доэкономический» факт; каким образом он может стать количественным мерилом, совершенно непонятно. Быть продуктом природных условий, это—естественное свойство товаров, которое опять-таки никоим образом не делает их сравнимыми в количественном отношении. Что они, далее, являются объектом потребности и по отношению к ней могут быть более или менее редкими—образует их потребительную ценность; ибо относительная редкость делает их субъективно предметом оценки и, следовательно, потребительной ценностью, в то время как объективно, с общественной точки зрения—их редкость есть функция затраты труда и в ее величине находит себе объективное мерило.

***

Как в предыдущем Бем не различает естественных и общественных определений товара, так в дальнейшем он смешивает точку зрения на труд, поскольку последний создает потребительные ценности, с рассмотрением труда как элемента, создающего ценность, и находит затем новое противоречие закона ценности с опытом, о котором Маркс, однако, с диалектической ловкостью говорит как о незначительном варианте своего тезиса, тогда как оно является, де, прямым опровержением этого последнего.

Маркс говорит, что сложный труд равен определенному количеству простого труда. Далее он учил, что вещи, приравниваемые друг другу в обмене, должны иметь «нечто общее» в равном количестве, и этим общим является труд, измеряемый временем. Однако, факты нисколько не согласуются с этим требованием. Ибо сложный труд, воплощением которого является, например, произведение скульптора, вовсе не содержит в себе простого труда, не говоря уже об определенном количестве простого труда, какое можно было бы приравнять, например, к пятидневному труду рабочего в каменоломне. Трезвая истина (действительно, весьма трезвая!) говорит, что оба продукта воплощают различные виды труда в различном количестве: это—полная противоположность факту, на котором настаивает Маркс, а именно, будто бы, они воплощают одинаковые количества труда одного и того же рода.

Мы должны здесь мимоходом заметить, что «одинаковые количества», т.-е. количественное равенство здесь не играет роли. Дело идет только о сравнимости различных *видов* труда, следовательно, о возможности их сведения к одной и той же единице, следовательно, о их качественном равенстве.

Правда, продолжает Бем, Маркс говорит: «опыт показывает, что такое сведение сложного труда к простому совершается постоянно. Товар может быть продуктом самого сложного труда, но его ценность делает его равным продукту простого труда и, следовательно, сама представляет лишь определенное количество простого труда. Различные пропорции, в которых различные виды труда сводятся к простому труду, как к единице их измерения, устанавливаются общественным процессом за спиной производителей и потому кажутся последним установленными обычаем» *).

Однако по Бему, эта апелляция к опыту и к ценности означает только порочный круг в объяснении. Ибо предметом объяснения являются отношения обмена, т.-е. например, почему труд скульптора ценится в пять раз выше простого труда. Маркс говорит, что труд скульптора представляет пятикратную ценность, этому нас учит опыт, который показывает, что, благодаря общественному процессу, происходит это сведение. Однако этот общественный процесс и должен быть объяснен. Если бы фактически меновым отношением было 1 : 3, а не 1 : 5, то Маркс рекомендовал бы нам принять этот масштаб редукции, как установленный опытом. Мы, таким образом, резюмирует Бем, не узнаем ровно ничего о действительной причине—почему продукты различных видов труда обмениваются в том или ином отношении. В этом решающем пункте закон ценности нам изменяет. Это и есть то знаменитое возражение, которое не один только Бем выдвигает с такой настойчивостью.

---

*) Ср. «Капитал» т. I, стр. 11. Пер. под ред. Степанова и Базарова.

Каждый «мыслящий» читатель, существование коих Маркс со своим известным «социальным оптимизмом» предполагает в предисловии,—нам кажется, что это единственное необоснованное предположение, когда-либо сделанное Марксом,—чувствует в этом пункте пробел, и на этот пробел делались указания даже из «более или менее марксистского» лагеря, Бернштейном, К. Шмидтом и Каутским.

Присмотримся поближе к вопросу! Прежде всего, сам Бем говорит, что различие состоит только в том, что в одном случае мы имеем дело со сложным, а в другом случае—с простым трудом. Таким образом ясно, что различие в ценности должно быть сведено к различию труда. Тот же самый продукт природы может в одном случае быть предметом простого труда, а в другом случае—сложного и, смотря по этому, получить большую или меньшую ценность. Следовательно, *логического* противоречия с законом ценности здесь вовсе не имеется. Речь может итти только о том, насколько необходимо отыскание масштаба для сведения сложного труда к простому, и не являются ли возникающие при этом затруднения совершенно непреодолимыми, так что—предположив, что нам необходимо знать этот масштаб—мы должны были бы, в случае неудачи, самое понятие ценности считать непригодным для объяснения экономических процессов.

Вспомним здесь еще раз ход мысли Маркса. В том месте, которое цитировалось выше, он говорит: «его ценность (т.-е. ценность товара, созданного сложным трудом) делает его равным продукту простого труда». Чтобы понять этот процесс, мы должны в анализе ценности принимать всю находящуюся в данный момент в распоряжении общества сумму труда, состоящую из однородных частей, определяемых лишь с количественной стороны, а отдельные затраты труда, поскольку они создают ценность,—как пропорциональные доли этой общей суммы. Но я могу рассматривать труд в совокупности, как нечто качественно однородное, лишь в том случае, если я его сведу к некоторой общей единице измерения. Этой единицей является «простой средний труд», который состоит в расходовании простой, средней рабочей силы, которой располагает телесный организм каждого обыкновенного человека, не обладающего никакой специальной подготовкой» *). Более сложный труд составляет кратное этой единицы, простого среднего труда. Но какое кратное? Это, говорит Маркс, устанавливается общественным процессом за спиной производителей. Однако Бем не желает допустить эту ссылку на опыт. Теория ценности, по его мнению, отказывается здесь совершенно нам служить. Ибо «ни одно из присущих квалифицированному труду свойств не определяет *a priori* и не дает возможности определить—какой пропорцией следует пользоваться, чтобы созданную им ценность перевести на простой труд, но все решает фактический результат, фактические отношения обмена» **). Бем требует, следовательно, масштаб редукции, чтобы иметь возможность наперед устанавливать абсолютную величину цен; ибо объяснение феномена цен составляет, как полагает в другом месте Бем, задачу экономической науки.

Но разве отсутствие масштаба редукции действительно означает непригодность закона ценности? В характерной противоположности к Бему Маркс

*) Ср. «Капитал» т. I, стр. 11. Перев. под ред. Степанова и Базарова.
**) „Zum Abschluss des Marxschen Systems," стр. 167.

видит в теории ценности не средство к теоретическому установлению цен, но средство открыть законы движения капиталистического общества. Абсолютная величина цен есть исходный пункт этого движения, данный в опыте; но для самого движения эта абсолютная величина играет второстепенную роль; дело идет только о том, чтобы установить закон его изменения. Составляет ли какой-либо определенный квалифицированный труд, например, труд скульптора, четырех- или шестикратное простого труда, например, труда портного, это совершенно безразлично. Но важно то обстоятельство, что удвоенная или утроенная производительность в сфере сложного труда понизит ценность его продукта, по сравнению с продуктом неизменившегося простого труда в два или три раза.

Абсолютная величина цен дана нам в опыте; но нас интересует *закономерность изменения* этих цен. Это изменение, как и всякое изменение, объяснятся действием силы; а так как здесь идет речь об изменениях в общественных явлениях, то это—следствие некоторой общественной потенции, изменяющейся по своей величине, а именно — производительной силы общества.

Закон ценности, констатируя, что это развитие производительных сил в последней инстанции определяет изменения цен, дает возможность постичь законы этих изменений; а так как все экономические явления обнаруживаются в изменениях цен, то этим дается возможность познания экономических явлений вообще. Рикардо, сознавая неполноту своего анализа закона ценности, говорит поэтому прямо, что исследование, к которому он желает привлечь внимание читателя, касается действий, вызывающих изменения относительной ценности товаров, но не их абсолютной ценности.

Отсутствие масштаба редукции не уменьшает, следовательно, никоим образом значения закона ценности как средства к познанию внутренней закономерности хозяйственного механизма. Однако этот недостаток имел бы значение в другом отношении. Если абсолютная величина цены практически и устанавливается впервые общественным процессом, то в понятии ценности должны все же заключаться все те элементы, которые дают возможность *теоретического* уяснения того процесса, который совершается в обществе при редукции. В противном случае, этот процесс, который имеет решающее влияние на высоту цен, правда, не утратил бы своей реальности и не стоял бы в противоречии с законом ценности, но закон ценности объяснял бы в таком случае лишь одну важнейшую сторону экономических феноменов—их изменения, но оставлял бы необъясненной другую сторону,—исходную точку этих изменений.

И все-таки, когда Бем спрашивает о качествах, *присущих* квалифицированному труду и составляющих его способность создавать ценность, то ошибка заключается уже в самой постановке вопроса. Ибо свойство создавать ценность не присуще никакому труду самому по себе. Но труд образует ценность только при известном способе организации общественного процесса производства. Поэтому из рассмотрения отдельного труда, в его конкретности, мы вообще не придем к понятию труда, образующего ценность, а, следовательно, и сложный труд, в качестве создающего ценность, должен рассматриваться не сам по себе, но как часть общественного труда.

И тогда спрашивается: что же представляет из себя сложный труд, с точки зрения общества? Только таким образом мы можем надеяться найти опор-

ные пункты для уяснения тех принципов, по которым совершается то общественное сведение сложного труда к простому. Эти принципы, очевидно, не могут быть иными, кроме тех, которые содержатся в законе ценности. Но здесь мы сталкиваемся с затруднением. Закон ценности имеет силу для товаров, труд же не есть товар, хотя он и выступает в качестве такового в категории заработной платы. Только рабочая *сила* есть товар и обладает ценностью; труд создает ценность, но сам он не есть ценность. Вычислить ценность рабочей силы, выполняющей сложную работу, не трудно; как и у всякого товара она определяется количеством труда, необходимым для ее производства и воспроизводства, что представляет собой сумму издержек содержания и обучения. Однако здесь речь идет не о ценности квалифицированной рабочей силы; нас занимает вопрос—каким образом и в каком отношении квалифицированный труд создает бо́льшую ценность, чем простой.

Мы не можем выводить бо́льшую ценность продукта квалифицированного труда из высшей заработной платы квалифицированного работника. Это означало бы выводить ценность продукта из «ценности труда». Правда, Бернштейн *) предлагает такое решение и думает при этом опереться на цитату из Маркса. Однако, если прочесть это место в том контексте, из которого его вырвал Бернштейн, то мы найдем в нем противоположность того, что хотел из него вывести Бернштейн. Маркс говорит: «Уже раньше было отмечено, что с точки зрения процесса увеличения ценности совершенно безразлично будет ли присвоенный капиталистом труд простой средний общественный труд или более сложный труд, труд более высокого удельного веса. Труд, который имеет значение более высокого, более сложного труда, по сравнению со средним общественным трудом, есть проявление такой рабочей силы, образование которой требует более высоких издержек, производство которой стоит больше рабочего времени, и которая имеет поэтому более высокую ценность, чем простая рабочая сила. Если ценность этой рабочей силы выше, то и проявляется она зато в более высоком труде и овеществляется поэтому за равные промежутки времени в сравнительно более высоких ценностях. Но какова бы ни была разница в степени между трудом прядильщика и трудом ювелира, та доля труда, которой ювелирный рабочий лишь возмещает ценность своей собственной рабочей силы, качественно ничем не отличается от той добавочной доли труда, которой он создает прибавочную ценность. И в этом случае прибавочная ценность получается лишь вследствие количественного излишка труда, вследствие большей продолжительности все того же процесса труда: в одном случае—процесса производства пряжи, в другом случае—процесса ювелирного производства» **).

Как видно, вопрос, которым задается Маркс, сводится к тому, каким образом труд, высший по качеству, может создавать прибавочную ценность, несмотря на высокую заработную плату, следовательно, независимо от величины необходимого труда. Ход мыслей этого цитируемого Бернштейном места полностью гласил бы следующее: если ценность этой рабочей силы выше, то она, тем не менее, может производить прибавочную ценность, потому что она проявляется в более высоком труде, и т. д.

---

*) Ed. Bernstein: «Zur Theorie des Arbeitswertes». «Neue Zeit», XVIII Jahrgang, I, стр. 359.

**) Ср. «Капитал» т. I, стр. 162. Перев. под ред. Степанова и Базарова.

ПОГАШЕНО
4236

Маркс выпускает связующее предложение и соединяет последующее при помощи «зато» (aber auch), в то время как, если бы Бернштейн был прав, на место «зато» должно было бы стоять «поэтому». Заключение от высоты заработной платы к ценности продукта труда противоречит самым грубым образом теории Маркса. При данной ценности рабочей силы, я мог бы лишь в том случае вычислить ценность вновь, создаваемую этой рабочей силой, если бы мне была известна норма эксплоатации. Однако если последняя и будет мне известна по отношению к простому труду, то я не в праве принимать ту же степень эксплоатации также и для более сложного труда. Она могла бы быть, скажем, значительно более низкой. Следовательно, заработная плата квалифицированного работника не дает ни прямых, ни косвенных указаний относительно ценности, вновь создаваемой этой рабочей силой. Физиономия, которую теория Маркса сделала бы по поводу интерпретации Бернштейна,—последний полагает, что эта теория в его понимании примет совершенно иную физиономию,—вряд ли могла бы скрыть иронической черты. Мы должны, следовательно, иным путем попытаться найти решение проблемы.

Простой средний труд есть расходование простой рабочей силы, квалифицированный же или сложный труд, это—расходование квалифицированной рабочей силы. Однако, чтобы создать эту сложную рабочую силу, потребовался ряд более простых трудовых процессов. Последние накоплены в личности квалифицированного работника; и только когда он начинает работать, трудовые усилия, затраченные на образование, реализуются *для общества*. Труд обучения не только переносит ценность (которая выступает в повышенной заработной плате), но и свою собственную, *созидающую ценность*, силу. Труд, затраченный на образование, существует по отношению к обществу в скрытой форме и проявляется лишь тогда, когда квалифицированная рабочая сила начинает применяться. Ее расходование означает поэтому одновременное расходование тех простых форм труда, которые заключаются в ней в конденсированном виде.

В том случае, когда простая рабочая сила применяется к производству квалифицированной рабочей силы, она создает этим, с одной стороны, ценность этой рабочей силы, которая находит свое выражение в заработной плате квалифицированного рабочего; с другой стороны, конкретным способом своего применения она создает новую потребительную ценность, которая заключается в том, что теперь налицо имеется рабочая сила, создающая ценности со всеми теми возможностями, которые были заложены в простом труде, затраченном на образование этой силы. Следовательно, когда простой труд затрачивается для производства сложного труда, то он, с одной стороны, создает новую ценность, а с другой,—переносит на свой продукт свою потребительную ценность—способность быть источником новых ценностей.

Простой труд, поскольку он затрачивается на производство квалифицированной рабочей силы, остается, с общественной точки зрения, в скрытом состоянии. Его действие для общества начинается только в тот момент, когда квалифицированная рабочая сила, им созданная, начинает применяться на деле. В акте расходования этой последней мы совершаем затрату суммы простых трудовых усилий и, следовательно, создаем сумму ценностей и прибавочных ценностей, соответствующую той сумме ценностей, которую создали бы простые трудовые акты, необходимые для образования квалифицированной

БИБЛИОТЕКА
Москов. Областн. и Городск.
партийных курсов при МК и
МГК ВКП(б)
32374
6311

рабочей силы и ее функции квалифицированного труда. Сложный труд является, таким образом, с общественной точки зрения, т.-е. экономически, произведением простых трудовых актов, столь бы различными ни казались простой и квалифицированный труд с других точек зрения—физиологической, технической или эстетической.

В продукте сложного труда общество оплачивает эквивалент той ценности, которую создали бы простые трудовые процессы, если бы они были непосредственно потреблены обществом.

Чем больше простых трудовых процессов содержит в себе сложный труд, тем выше та ценность, которую он создает, ибо, на самом деле, для создания данного продукта здесь одновременно расходуется множество простых трудовых усилий; сложный труд является действительно умноженным простым трудом. Поясним сказанное наглядным примером. Некто имеет в своем распоряжении десять аккумуляторов, которые приводят в движение десять различных машин. Для производства какого-либо нового продукта ему нужна другая машина, которая требует гораздо более сильного двигателя. Он в этом случае использует десять аккумуляторов, чтобы зарядить ими один, который был бы в состоянии привести в движение новую машину. Силы отдельных аккумуляторов являются теперь, в новом аккумуляторе, одной единственной силой, которая представляет собой десятикратное простой средней силы.

В сложном труде могут содержаться не только простые, но и сложные трудовые процессы другого рода, которые, в свою очередь, должны быть редуцированы. Чем больше других сложных трудовых процессов заключено уже в квалифицированном труде, тем короче будет процесс образования квалифицированного труда.

Таким образом, Марксова теория ценности дает нам средство познать те принципы, по которым совершается общественный процесс сведения (редукции) сложного труда к простому. Она, таким образом, делает величину ценности *теоретически измеряемой* величиной. Но когда Бем требует от Маркса, чтобы он дал эмпирическое доказательство своей теории, и полагает, что это доказательство заключалось бы в установлении отношения между меновыми ценностями или ценами и рабочим временем, то он смешивает теоретическую и *практическую* измеримость. То, что я могу установить на основании опыта, это—конкретная затрата труда, потребная для производства определенного блага. Насколько этот конкретный труд означает общественно необходимый труд, в какой мере он, следовательно, может быть принят в расчет, как создающий ценность, я мог бы установить, лишь зная данный средний уровень производительности и интенсивности производительных сил и то количество данного блага, которое потребно для общества. Это значит, однако, требовать от отдельной личности того, что выполняется обществом. Ибо общество является тем искусным счетчиком, который один может вычислить высоту цен, а метод, которым он пользуется, это—конкуренция. Рассматривая в свободном соревновании на рынке конкретные трудовые затраты отдельных производителей, как одно целое, и возмещая их лишь постольку, поскольку их расходование было общественно необходимо, общество здесь впервые лишь выясняет, в какой мере эти конкретные трудовые затраты фактически участвовали в процессе создания ценности, и сообразно с этим устанавливает цены. Именно эта иллюзия, будто теоретический масштаб может явиться непосредственным практическим мерилом, привела к утопии рабочих денег и консти-

туированной ценности. Это—тот взгляд, который в теории ценности видит не средство «проследить закон движения современного общества», но средство составить возможно более устойчивый и справедливый прейс-курант.

Именно поиски подобного прейс-куранта привели недавно г. Буха к теории, которая для определения цен не нуждается в иных предпосылках, кроме цены. Однако и психологическая теория «ценности» не идет дальше этого. Она обозначает различные степени удовлетворения потребностей определенными, но произвольно выбранными числами и рассматривает эти числа как цены, которые покупатели согласны дать за средства удовлетворения потребностей. Сущность приема затушевана тем, что предполагается не одна цена, но целый ряд произвольных цен.

Эмпирическое доказательство правильности теории ценности лежит однако совсем не там, где его ищет Бем. Если теория ценности должна дать ключ к пониманию капиталистического способа производства, то она должна объяснять все явления последнего, не впадая в противоречия. Фактический ход вещей в капиталистическом мире не должен противоречить теории, но воплощать ее в действительности. Это однако оспаривает снова Бем. Третий том «Капитала», где Маркс, по мнению Бема, не мог уже абстрагироваться от фактов, показал, яко бы, что фактическое положение вещей не может быть согласовано с предпосылками теории ценности. Выводы третьего тома стоят в резком противоречии с теми, которые были сделаны в первом томе. Теория, как думает Бем, потерпела крушение при соприкосновении с действительностью. Ибо эта последняя показывает, что закон ценности не действителен в применении к обмену, так как товары обмениваются по ценам, постоянно отклоняющимся от их ценности. Противоречие делается очевидным при рассмотрении проблемы средней нормы прибыли. Марксу, якобы, только потому и удалось найти решение, что он просто-на-просто отказался от своего закона ценности. И этот упрек в противоречии с самим собой, после того, как его сделал Бем, стал общим местом всей буржуазной политической экономии; в лице Бема мы критикуем представителя буржуазной критики третьего тома «Капитала».

II.

Ценность и средняя прибыль.

Проблема, о которой идет речь, известна. Органический состав капитала, отношение c (постоянного капитала, заключающегося в средствах производства) к v (переменному капиталу, вложенному в заработную плату) различно в различных отраслях производства. Но так как только переменная часть капитала производит новую ценность, а, следовательно, и прибавочную ценность, то количество прибавочной ценности, произведенное двумя капиталами одинаковой величины, различно, смотря по органическому составу этих капиталов, т.-е. в зависимости от пропорции, в которой капитал в целом распадается на постоянную и переменную часть. Вследствие этого будет различной и норма прибыли, отношение прибавочной ценности ко всему капиталу. Согласно закона ценности, равные капиталы дают различную прибыль, смотря

по количеству живого труда, которое они приводят в движение. Это противоречит действительности, в которой равные капиталы, каков бы ни был их состав, всегда приносят равную прибыль. Как объяснить себе это «противоречие»?

Послушаем сначала Маркса.

Прежде всего ясно, «что вся трудность проистекает благодаря тому, что товары обмениваются не просто как *товары*, но как *продукты капиталов*, которые претендуют на пропорциональное их величине или, при равенстве их, на равное участие во всей массе прибавочной ценности» *).

Но капитал, который был авансирован на производство какого-либо товара, образует издержки производства этого товара. «В издержках производства для капиталиста исчезает различие между переменным и постоянным капиталом. Для него товар, на производство которого он должен затратить 100£, стоит одинаково дорого, должен ли он затратить 90c+10v или 10c+90v. Товар, во всяком случае, обходится ему в 100£, не больше, не меньше. Издержки производства в различных сферах производства одни и те же при равновеликих затратах капитала, как бы ни были различны между собой произведенные ценности и прибавочные ценности. Это равенство издержек производства образует базис для конкуренции затрат капитала, при помощи которой осуществляется средняя прибыль». *)

Для наглядного изображения действия капиталистической конкуренции Маркс набрасывает следующую таблицу, при чем норма прибавочной ценности всюду одна и та же, а от постоянного капитала в ценность продукта входят, смотря по степени снашивания, доли различной величины.

КАПИТАЛ.	Норма прибавочной ценности.	Прибавочная ценность.	Норма прибыли.	Израсходованное с.	Ценность товаров.
I. 80 c + 20 v	100%	20	20%	50	90
II. 70 c + 30 v	100%	30	30%	51	111
III. 60 c + 40 v	100%	40	40%	51	131
IV. 85 c + 15 v	100%	15	15%	40	70
V. 95 c + 5 v	100%	5	5%	10	20

В этой таблице мы видим при одинаковой величине совокупного капитала, в пяти различных сферах и при одной и той же норме эксплоатации, весьма различные нормы прибыли, соответственно различному органическому составу. Если же мы будем рассматривать эти вложенные в различные отрасли производства капиталы, как один капитал, а подразделения от I до V лишь как

*) Ср. «Капитал» III_1, стр. 150. Перев. под ред. Степанова и Базарова.
*) Срв. «Капитал» III_1, стр. 129. Перев. под ред. Степанова и Базарова.

его части (подобно тому как на бумагопрядильной фабрике в различных отделениях кардовальном, в предпрядильне, тонко-прядильне и ткацкой существуют различные отношения между постоянным и переменным капиталом, откуда лишь путем вычисления можно получить среднее для всей фабрики), то для совокупного капитала=500, мы имели бы прибавочную ценность в 110 и общую ценность товаров=610. Средний состав капитала был бы 500=390c+110v или в процентах 78c+22v. Если каждый из капиталов рассматривать только как $^1/_5$ совокупного капитала,т.-е. равным 100, то его состав равнялся бы среднему 78c+22v; точно так же на каждые 100 приходилось бы в среднем прибавочной ценности 22, поэтому и средняя норма прибыли равнялась бы 22 процентам. Товары должны были бы продаваться согласно следующей таблице:

КАПИТАЛЫ.	Прибавочная стоимость.	Израсходованное с.	Ценность товаров.	Издержки производства товаров.	Цена товаров.	Норма прибыли.	Отклонения цены от ценности.
I. 80 c + 20 v	20	50	90	70	92	22 %	+ 2
II. 70 c + 30 v	30	51	111	81	103	22 %	— 8
III. 60 c + 40 v	40	51	131	91	113	22 %	— 18
IV. 85 c + 15 v	15	40	70	55	77	22 %	+ 7
V. 95 c + 5 v	5	10	20	15	37	22 %	+ 17

Товары, следовательно, продаются на 2 + 7 + 17 = 26 выше и на 8+18=26 ниже их ценности, так что отклонения цен взаимно уравновешиваются вследствие равномерного распределения прибавочной ценности или вследствие одинаковой надбавки к издержкам производства товаров I до V средней прибыли в размере 22 на 100 затраченного капитала; в том же самом отношении, в котором одна часть товаров продается выше своей ценности, другая продается ниже этой последней. И только продажа по таким ценам делает возможным, что норма прибыли от I вплоть до V одинакова, несмотря на различный органический состав капиталов в этих подразделениях.

«Вследствие различного органического состава капиталов, вложенных в различные отрасли производства, а потому, вследствие того обстоятельства, что капиталы равной величины приводят в движение очень различные количества труда, в зависимости от различного процентного отношения переменной части ко всему капиталу данной величины, равновеликими капиталами присваиваются очень различные количества прибавочного труда, или производятся очень различные массы прибавочной ценности. Соответственно этому нормы прибыли, господствующие в различных отраслях производства, первоначально очень различны. При помощи конкуренции различные нормы прибыли уравниваются, образуя общую норму прибыли, представляющую среднее из этих различных норм прибыли. Прибыль, падающая согласно этой

общей норме на капитал данной величины, каков бы ни был органический состав, называется средней прибылью. Цена производства есть цена товара, равная его издержкам производства, плюс причитающаяся на его долю, в зависимости от условий его оборота, часть годовой средней прибыли на весь капитал, применяемый для производства товара (а не только действительно потребленный на его производство)... Таким образом хотя капиталисты различных отраслей производства при продаже своих товаров получают назад капитальные ценности, затраченные на производство этих товаров, однако они реализуют не ту прибавочную ценность, а следовательно и не ту прибыль, которые произведены в их собственной отрасли при изготовлении этих товаров; они получают лишь столько прибавочной ценности, а следовательно и прибыли, сколько на каждую соответственную часть всего капитала общества приходится из всей прибавочной ценности или всей прибыли, произведенной в течение данного промежутка времени всем этим общественным капиталом во всех сферах производства, вместе взятых. Каждый авансированный капитал, каков бы ни был его состав, приносит в течение года или иного промежутка времени столько прибыли на 100, сколько и за этот промежуток времени приходится на каждую сотню всего капитала. Поскольку дело касается прибыли, различные капиталисты относятся здесь друг к другу как простые акционеры одного акционерного предприятия, в котором прибыль, приходящаяся на долю отдельных членов, распределяется равномерно на каждую сотню капитала; поэтому для различных капиталистов прибыли изменяются лишь в зависимости от величины капитала, вложенного каждым в общее предприятие, в зависимости от относительных размеров участия каждого в этом общем предприятии, в зависимости от числа принадлежащих каждому акций». *).

Средняя прибыль есть не что иное, как прибыль на средний общественный капитал, сумма которой равна сумме прибавочной ценности, а цены, полученные путем прибавки этой средней прибыли к издержкам производства, суть не что иное, как ценности, превращенные в цены производства. Для простого товарного производства ценности были центром тяжести, около которого колебались цены, однако «при капиталистическом производстве дело идет не столько о том, чтобы на место данной массы ценности, брошенной в товарной форме в процесс обращения, извлечь равную массу ценности в другой форме—денежной или товарной,—дело идет о том, чтобы на капитал, авансированный на производство, извлечь ту же самую прибавочную ценность или прибыль, какая приходится на всякий другой капитал такой же величины, или pro rata его величины, независимо от того, в какой отрасли производства он применяется, следовательно, дело идет о том, чтобы продать товары по меньшей мере по ценам, доставляющим среднюю прибыль, т.-е. по ценам производства. В этой форме капитал сам начинает сознавать себя, как *общественную силу*, в которой каждый капиталист имеет свою долю, пропорциональную его участию во всем общественном капитале». «Но если товары продаются по их ценностям, то в различных сферах производства возникают очень различные нормы прибыли... Но капитал извлекается из отрасли с более низкой нормой прибыли и устраняется в другие, которые

*) Ср. «Капитал» III_1, стр. 133 и сл. Перев. под ред. Степанова и Базарова.

приносят более высокую прибыль. Посредством такой постоянной эмиграции и иммиграции, посредством своего распределения между различными сферами производства, смотря по тому, где норма прибыли падает и где повышается, капитал осуществляет такое отношение между спросом и предложением, что в различных сферах производства создается одна и та же средняя прибыль, благодаря этому, ценности превращаются в цены производства» *).

В каком же отношении находится это учение третьего тома к знаменитому закону ценности первого тома?

По мнению Бем-Баверка, третий том «Капитала» с очевидностью констатирует действительно непримиримое противоречие и содержит в себе доказательство, что равная средняя норма прибыли может образоваться только в том случае, если так называемый закон ценности не имеет силы. В первом томе, так заявляет Бем **), было сказано, что ценность основывается только на труде, ценность была объявлена тем общим свойством товаров, которое проявляется, когда они вступают в отношения обмена, нам было сказано, в форме вывода, не терпящего исключений и обладающего безусловной принудительностью, что приравнивание двух товаров в обмене означает, что в них имеется нечто общее, одинаковое по величине, и что каждый из обоих товаров должен быть сведен к этому общему, что при этом надлежит отвлечься от временных и случайных отклонений, которые являются нарушением закона товарного обмена, что в принципе и как постоянное правило обмениваются друг на друга товары, воплощающие одинаковое количество труда. И теперь, в третьем томе нам объявляют, что того, чему надлежит быть согласно учению первого тома, нет и быть не может; что отдельные товары постоянно и необходимо обмениваются и должны обмениваться в ином отношении, чем то, которое выражается воплощенным в них трудом.

Но здесь, по мнению Бема, нет ни объяснения, ни попытки примирить противоположные точки зрения; здесь само голое противоречие. Теория средней нормы прибыли и цен производства несовместима с теорией ценности. Но Маркс, рассуждает Бем, предвидел этот упрек. И благодаря этому, мы якобы находим у него, если не по форме, то по существу, самозащиту, предвосхищающую будущие возражения. Путем различных замечаний он, по мнению Бема, пытается сделать приемлемым взгляд, что, вопреки господству, которое в меновых отношениях принадлежит ценам производства, отклоняющимся от ценности, все, тем не менее, совершается в рамках закона ценности и последнему в конечной инстанции принадлежит господствующее влияние на цены. Но Маркс, вопреки своему обыкновению, не даст здесь, по мнению Бема, законченной и оформленной цепи доказательств, но лишь несколько разбросанных и сделанных мимоходом замечаний, заключающих в себе доводы самого различного свойства; эти замечания Бем соединяет в четыре аргумента.

Но прежде чем мы обратимся к рассмотрению этих «аргументов» и тех, которые в противовес им выставляет Бем, необходимо сказать пару слов относительно «противоречия» или «отступления от прежних взглядов», чем, якобы, провинился Маркс в третьем томе. Что касается отступления, то те, которые говорят об этом, забывают, что первый том был опубликован не

*) Ср. «Капитал» III_1, стр. 171 и 172. Перев. под ред. Степанова и Базарова.
**) Срав. «Zum Abschluss» etc. 110 f.

ранее, чем была закончена глава третьего тома, трактующая спорный пункт. Ибо окончательный набросок двух последних книг «Капитала» падает на промежуток от 1863 до 1867 года, в то время как глава 10 третьего тома, содержащая в себе решение загадки, согласно примечанию Энгельса (III_1, стр. $152_{,27}$), была написана в 1865 году. Говорить в данном случае об отступлении, значит подозревать, что Маркс для того, чтобы достичь определенной точки, проделал сначала милю вперед и затем милю назад. Таково, впрочем, понимание вульгарной политической экономии, рассматриваемое ею, как сущность диалектического метода, ибо для нее, видящей всегда лишь готовый результат, а не процесс, этот метод остается мистическим «фокус-покусом». И не лучше, чем с упреком Маркса в отступлении от его взглядов, обстоит дело с противоречием, в которое он, якобы, впадает.

Бем видит это противоречие в том, что, согласно первому тому, обмениваются друг на друга только товары, воплощающие в себе *одинаковые* количества труда, в то время как по третьему тому выходит, что одни товары обмениваются на другие в ином отношении, чем то, которое выражается воплощенным в них трудом. Совершенно верно. Если бы Маркс на самом деле утверждал, что товары, если отвлечься от случайных колебаний, могут обмениваться только п о т о м у, что в них воплощен труд, и только в том отношении, в каком они воплощают равные количества труда, то Бем был бы прав, однако Маркс в первом томе исследует те меновые отношения, которые складываются, если товары обмениваются по их ц е н н о с т я м, и только при этом предположении товары содержат в себе равные количества труда. Однако обмен по ценностям не есть условие обмена вообще, хотя он и является необходимым для обмена при определенных исторических условиях, в том случае, если эти исторические условия должны постоянно воспроизводиться самим механизмом общественной жизни. При изменившихся исторических условиях выступают модификации обмена; вопрос состоит лишь в том, можно ли признать эти модификации закономерными и представить их как модификации закона ценности. Если да, то закон ценности, хотя и в измененной форме, продолжает управлять обменом и движением цен. Последнее при этом следует рассматривать как модификацию первоначального, непосредственно зависевшего от закона ценности.

Ошибка Бема заключается в том, что он смешивает ценность и цену, чему виной его собственная теория. Только в том случае, если ценность,—оставив в стороне случайные, взаимно компенсирующиеся и потому лишенные значения отклонения,—была бы идентична с ценой, продолжительное отклонение цен отдельных товаров от ценностей противоречило бы закону ценности. Но Маркс еще в первом томе указывал на расхождение ценностей и цен. Так, когда он задает вопрос: «Как может возникнуть капитал при регулировании цен средней ценой, т.-е. в последнем счете ценностью товара?» и прибавляет к этому: «Я говорю в последнем счете, потому что средние цены не совпадают прямо с величинами ценности товаров, как думали А. Смит, Рикардо и др.» *). И точно также: «Мы исходим между прочим из предположения, что цены=стоимостям. В книге III мы увидим, что это равенство не так то просто устанавливается даже для средних цен». **).

*) Спав. «Капитал» I стр. 130 пр. 37. Перев. под ред. Степанова и Базарова.
**) Ibid. стр 183 пр. 31-а.

Таким образом, закон ценности Маркса не уничтожается выводами третьего тома, но лишь определенным образом модифицируется. Мы познакомимся ближе с этими модификациями и с их значением, когда мы займемся детальнее дальнейшими рассуждениями Бема.

Первый «аргумент», который Маркс, по Бему, приводит в защиту своего взгляда, гласит следующее *): если отдельные товары и продаются ниже или выше их ценности, то противоположные отклонения взаимно уничтожаются, и для общества,—если взять совокупность всех отраслей производства,—сумма цен производства произведенных товаров равна сумме их ценностей.

Здесь прежде всего обращает внимание,—и это замечание относится также к дальнейшему,—что Бем называет «аргументом» то, что у Маркса является лишь констатированием факта, логическим выводом из его посылок. В таком случае, конечно, легко доказать, что в этих замечаниях не заключается никакого аргумента.

Бем рассуждает: Маркс соглашается, что о т д е л ь н ы е товары обмениваются не по их ценностям. Он, однако, придает значение тому, что отклонения взаимно уравновешиваются. Но что же, спрашивает Бем, остается в таком случае от закона ценности? Ведь задача этого закона объяснить действительные меновые отношения благ. Мы хотим знать, почему один сюртук стоит как раз столько же, сколько 20 аршин полотна. Меновое отношение может, очевидно, существовать только между двумя различными *отдельными товарами*. Но, поскольку мы принимаем во внимание *все товары вместе взятые* и суммируем их цены, постольку мы необходимо и преднамеренно отвлекаемся от отношений, существующих внутри этой совокупности. Относительные различия цен компенсируются в сумме. Но это вовсе не ответ на вопрос о меновом отношении благ, если нам указывают на общую сумму цен. Итак, дело обстоит следующим образом. На проблему ценности марксисты отвечают сначала своим законом ценности, согласно которому товары обмениваются в отношении воплощенного в них рабочего времени. Затем они отказываются от этого решения, поскольку оно касается обмена отдельных товаров, т.-е. как раз той области, где поставленный вопрос вообще имеет какой-нибудь смысл,—и сохраняют его для национального продукта в целом, т.-е. в той области, где данная проблема не может быть поставлена, как совершенно беспредметная. Таким образом, закон ценности в качестве ответа на собственную проблему ценности, как признано, не согласуется с фактами; а в том единственном применении, в котором он не противоречит фактам, этот закон вовсе не является ответом на вопрос, собственно требующий решения. И это вообще не ответ, а тавтология. Если отвлечься от денежной формы, то товары в конечном счете обмениваются на товары. Сумма товаров тем самым идентична сумме выплаченных цен. Или цена, уплаченная за национальный продукт, взятый в целом, есть не что иное, как сам этот национальный продукт. При таком условии, понятно, совершенно правильно, что сумма цен, уплаченных за национальный продукт, в целом совпадает с суммой ценности или труда, кристаллизованной в последнем. Однако это тавтологическое утверждение не увеличивает наших знаний и не доказывает правильности

*) «Zum Abschluss etc.», ст. 113 и сл.

закона, что блага обмениваются в отношении, отвечающем воплощенному в них труду. Таковы взгляды Бема.

Все эти рассуждения полностью направлены мимо цели. Маркс задает вопрос о совокупной ценности, а Бем жалуется, что он не спрашивает о ценности отдельных товаров. Он не видит, что является для Маркса наиболее существенным в данном случае. Констатирование того обстоятельства, что сумма цен производства идентична с суммой ценностей, важно, во-первых, потому, что этим устанавливается, что совокупность цен производства не может быть выше совокупной ценности; это означает, принимая во внимание, что процесс образования ценности протекает исключительно в сфере производства, что вся прибыль проистекает из производства, а не из обращения, в виде, скажем, какой-нибудь надбавки, которую делает капиталист на готовый продукт. И, во-вторых: так как совокупная цена равна совокупной ценности, то и прибыль в целом не может представлять из себя чего-либо иного, кроме совокупной прибавочной ценности. Этим прибыль в целом определяется с количественной стороны; только на основании этого определения является возможность вычислить высоту нормы прибыли.

Но можно ли вообще, не впадая в абсурд, говорить о совокупной ценности? Бем смешивает меновую ценность с ценностью. Ценность выявляет себя, как меновая ценность, как количественно определенное отношение, в котором один товар может быть обменен на другой. Однако, если сюртук, например, обменивается на 20 или 40 аршин полотна, то это зависит не от случайных причин, но от объективных условий, от того, сколько общественно необходимого рабочего времени содержится в сюртуке или холсте. Эти условия должны сказаться в обмене, должны им управлять в общем или целом и должны, наконец, существовать самостоятельно и независимо от обмена, в виду чего можно говорить о совокупной ценности товаров *).

Бем упускает из виду, что ценность, в том смысле, который дает ей Маркс, есть объективная, количественно определенная величина. Он не замечает этого, потому что понятие ценности у теоретиков предельной полезности в действительности лишено количественной определенности. Если я даже знаю ценность, равную предельной полезности единицы некоторой суммы благ, то-есть той пользе, которую мне приносит последняя единица данного запаса благ, то я никоим образом не могу на этом основании вычислить величину ценности всего запаса. Если же мне дана ценность единицы в смысле Маркса, то мне точно также известна ценность суммы этих единиц.

Что изменяется при переходе от простого к капиталистическому товарному производству, так это распределение общественного продукта. Распределение прибавочной ценности происходит уже не пропорционально труду, затраченному каждым отдельным производителем в его сфере, на создание прибавочной ценности, но сообразуется с величиной авансированного капитала, необходимого для того, чтобы привести в движение труд, порождающий прибавочную ценность. Ясно, что измененное распределение ничего не меняет в размерах той суммы прибавочной ценности, которая подлежит распределению; общественное отношение остается неизменным, и путем моди-

*) Срв. F. Engels: Ergänzung und Nachtrag zum dritten Buch des «Kapital». «Neue Zeit», XIV., I., s. 7.

фикации цен отдельных товаров лишь осуществляется это измененное распределение. Далее ясно, что для определения этого отклонения должны быть известны не только величина прибавочной ценности, но и величина, при том величина *ценности* авансированного капитала. Определения этих величин дает закон ценности. Я могу, следовательно, легко вычислить отклонения, как скоро мне даны величины ценностей. Ценность следовательно есть необходимый теоретический исходный пункт для объяснения своеобразного феномена в области цен, порожденного капиталистической конкуренцией.

Вся полемика Бема является поэтому тем более неудачной, что Маркс, когда он ставит вопрос о совокупной ценности, делает это лишь для того, чтобы выделить из этой совокупной ценности отдельные, важные для капиталистического процесса распределения, части. У Маркса идет речь о вновь создаваемой в течение данного производственного периода ценности и об отношении, в котором эта вновь созданная ценность распределяется между классом рабочих и капиталистов, образуя таким путем доход трех главных классов. Таким образом утверждение, будто Маркс отказывается от закона ценности в применении к отдельным товарам и утверждает его лишь по отношению к сумме последних, совершенно ложно. К этому утверждению Бем приходит только потому, что не разделяет ценность и цену. Более того: закон ценности, будучи непосредственно действительным для общественного продукта и его частей, осуществляется только путем определенных, закономерных модификаций в ценах отдельных, производимых капиталистическим способом товаров, модификаций, которые могут быть поняты только при условии, если мы вскроем стоящие за ними общественные отношения, каковую услугу нам и оказывает закон ценности. Наконец, это уже чистейшая галиматья, когда Бем утверждает, что сумма товаров идентична с суммой уплаченных за них цен. Ибо сумма товаров и сумма цен суть прежде всего несоизмеримые величины. Маркс говорит, что сумма ценностей—но не товаров—равна сумме цен производства. Здесь соизмеримость восстановлена, благодаря тому, что как цены, так и ценности, суть выражения для различных количеств труда. Ибо только в том случае, если цена производства качественно однородна с ценностью,—так как обе являются выражением овеществленного труда,—можно даже при их количественной разнице сравнивать между собой их суммы.

Конечно, рассуждает Бем, в последнем счете товары обмениваются на товары; поэтому сумма цен идентична с суммой товаров. Здесь однако Бем абстрагируется не только от цены, но и от ценности товаров. Вопрос заключается в следующем: если мне дана сумма товаров в штуках, весовых единицах и т. д., то как велика их ценность или цена, ибо последние для общественного продукта совпадают. Эта ценность, или цена является величиной совсем иного порядка, чем сумма товаров, и выражается в известном количестве денег. Маркс задается вопросом как раз относительно этой величины, которая по его теории должна содержать столько же трудовых затрат, как и общая сумма товаров.

Первый, так же как и следующие «аргументы» показывают всего лишь, в каких пределах закон ценности непосредственно имеет силу как таковой, без всяких модификаций. Понятно, что Бему легко удается доказать, что та

модификация закона ценности, которую Маркс еще раньше установил, как неизбежное следствие самой природы капиталистической конкуренции и которую он в данном случае всюду предполагает, не получает здесь своего обоснования.

**
*

Точно так же строит Бем свою критику второго аргумента Маркса. Маркс говорит: закон ценности управляет движением цен, ибо уменьшение или увеличение необходимого для производства рабочего времени вызывает понижение или повышение цены производства (III_1, с. 152 и 154 рус. перев.). Но Бем опускает условие, под которым Маркс выставляет это положение. А именно, Маркс говорит: «Каким бы образом первоначально ни устанавливались и ни определялись цены различных товаров в их взаимных отношениях, их движением управляет закон ценности». Бем не замечает этого и упрекает Маркса, будто тот не принял во внимание, что труд является *одним* из оснований, определяющих цены, но не единственным, как того требует его теория. Это-де такая бросающаяся в глаза погрешность мысли, что странно, как она ускользнула от самого Маркса. Но, между прочим, Маркс в цитированном месте не хочет сказать ничего другого, кроме того, что изменения в затратах труда влекут за собой изменения цен и что, следовательно, раз данные цены движутся сообразно с изменениями производительной силы труда. Недосмотр здесь всецело на стороне Бема; ему достаточно было бы полностью привести цитату, чтобы избавить себя от труда возражений.

Более существенное значение имеют однако те возражения, которые Бем в дальнейшем выдвигает против выводов Маркса. Маркс рассматривает превращение ценности в цену производства, как исторический процесс; Бем делает из этого «третий аргумент», который он формулирует следующим образом: по Марксу закон ценности господствует всецело и безраздельно над товарообменом на известных первоначальных стадиях, на которых еще не произошло превращения ценностей в цены производства. Однако эта мысль у Маркса якобы не развита вполне отчетливо, но переплетена с прочим изложением.

Условия, необходимые для того, чтобы товары обменивались по их ценностям, изложены у Маркса так. Он предполагает, что рабочие владеют средствами производства, работают в среднем одинаковое время и с одинаковой интенсивностью и непосредственно обмениваются друг с другом своими товарами. В таком случае двое рабочих в течение одного дня придали бы своему продукту одинаковое количество новой ценности, благодаря труду, но продукты каждого имели бы различную ценность, смотря по количеству труда, уже овеществленного в орудиях производства. Эта последняя часть ценности представляла бы постоянный капитал капиталистического хозяйства; часть вновь созданной ценности, затраченная на средства существования рабочего, переменный капитал; остальная часть вновь созданной ценности—прибавочная ценность, которая, в данном случае, принадлежала бы рабочему. Оба рабочих получили бы, таким образом,—за вычетом возмещенной им части постоянного капитала, который они авансировали,—равные ценности; отношение части, представляющей собой прибавочную ценность, к ценности средств производства, что соответствует капи-

талистической норме прибыли,—было бы у обоих совершенно различно. Но так как каждому из них в обмене возмещается ценность средств производства, то это обстоятельство для них совершенно безразлично.

Итак, обмен товаров по их ценностям или приблизительно по их ценностям соответствует гораздо более низкой ступени, чем обмен по ценам производства, для которого необходима известная высота капиталистического развития.... Таким образом, независимо от господства закона ценности над ценами и движением цен, безусловно правильно рассматривать ценности товаров, не только как теоретическое, но и как историческое prius по отношению к ценам производства. Это относится к таким экономическим отношениям, когда средства производства принадлежат самому рабочему, а такое положение свойственно и в древние и в новейшие (modern) времена хозяйству крестьянина, обрабатывающего собственным трудом принадлежащую ему землю, и ремеслу. Это согласуется и с тем высказанным нами ранее взглядом, что развитие продуктов в товары имеет своим источником обмен между различными общинами, а не между членами одной и той же общины. Это справедливо не только для такого первобытного состояния, — это остается справедливым и для позднейших отношений, основанных на рабстве и крепостничестве, для цеховой организации ремесла, пока средства производства, закрепленные в каждой отрасли производства, лишь с трудом могут быть перенесены из одной сферы в другую и потому различные сферы производства относятся друг к другу до известной степени так же, как разные страны или коммунистические общины» *).

Против этих соображений Бем выдвигает серьезнейшие «сомнения внутреннего и внешнего свойства». Он полагает, что они неправдоподобны внутренне и противоречат опыту. Чтобы показать неправдоподобность, Бем подставляет цифры в приведенный Марксом пример. Это он проделывает следующим образом: Рабочий I представляет отрасль производства, которая требует технически гораздо более ценных, относительно, средств производства; для их изготовления, положим, требуется пять лет; следующий год уходит на изготовление продукта. Положим, рабочий сам изготовляет средства производства; в таком случае он только спустя шесть лет получит возмещение за свой труд. Рабочий II, напротив, в течение месяца справляется с изготовлением конечного продукта и необходимых для того средств производства и поэтому уже через месяц получает выручку за свой продукт. Это различие во времени получения платы за труд совсем не принято в расчет при гипотезе Маркса, в то время, как отсрочка на долгие годы понесенных трудовых затрат является также обстоятельством, требующим компенсации. Различные отрасли производства, полагает Бем, не всем производителям одинаково доступны; области, требующие более значительного капитала, открыты для убывающего меньшинства. Благодаря этому, предложение в последних отраслях испытывает известное ограничение, благодаря которому, в конце-концов, цены продуктов поднимаются выше относительного уровня тех отраслей, где не существует этого одиозного побочного условия, а именно ожидания. Маркс сам, якобы, чувствовал, что здесь обмен по ценностям приведет к несообразностям. Он от-

*) Срв. «Капитал» III_1, стр. 155. Перев. под ред. Степанова и Базарова.

метил это в той форме, что равная прибавочная ценность выражается в неравных нормах прибыли. Теперь возникает вопрос, почему это неравенство не сглаживается, так же, как и в капиталистическом обществе, путем конкуренции. На это Маркс отвечает, что для двух рабочих имеет существенное значение лишь то, что они за равное рабочее время, за вычетом ценности авансированных постоянных элементов, получают равные ценности, между тем как различие норм прибыли для них не играет роли, так же, как для современного наемного рабочего не играет роли, в какой норме прибыли выражается выжатое из него количество прибавочной ценности. Однако, по мнению Бема, это сравнение ошибочно. Ибо современный рабочий не получает прибавочной ценности, те же два рабочих ее получают. Поэтому им не безразлично, какой мерой она им отмеривается: по масштабу ли понесенного труда, или по масштабу авансированных средств производства. Неравенство норм прибыли нельзя, следовательно, объяснить тем, что для участников высота прибыли является чем-то совершенно безразличным.

Последние фразы могут служить классическим образцом Бемовской полемики. Он совершенно оставляет без внимания действительную аргументацию противника, а в качестве последней приводит пример, взятый для иллюстрации, который он к тому же ложно интерпретирует, чтобы возвестить с триумфом, что пример не есть доказательство. Различие, о котором идет речь, это—различие докапиталистической и капиталистической конкуренции. Докапиталистическая конкуренция выравнивает на местном рынке, над которым она господствует, различные индивидуальные ценности в одну рыночную ценность; капиталистическая конкуренция содействует превращению ценности в цену производства. Но она достигает этого лишь потому, что она может свободно перебрасывать капитал и труд из одной сферы производства в другую; это, однако, может иметь место лишь в том случае, если такому переходу не мешают никакие правовые и фактические преграды; следовательно,—оставляя в стороне побочные обстоятельства,—по установлении свободы передвижения для труда и капитала. Эта *конкуренция* вокруг *сфер приложения* невозможна в докапиталистических условиях, а поэтому и невозможно также выравнивание различных норм прибыли. Так как этот случай и имеется в виду, ибо самостоятельно производящий рабочий не может по своему желанию менять сферу производства, то различие норм прибыли при одинаковой массе прибыли (= прибавочной ценности) для него не играет роли, так же как для наемного рабочего безразлично, в какой норме прибыли выражается выжатая из него прибавочная ценность. Tertium comparationis в обоих случаях, это—то обстоятельство, что для рабочих здесь и там имеет значение масса прибавочной ценности. Ибо получают они ее или нет, но в обоих случаях они должны ее вырабатывать. Это однако непосредственно касается продолжительности их труда. Или, выражая это же в цифрах: из двух, самостоятельно работающих производителей, из которых один применяет средств производства на 20 марок, а другой—на 10 марок каждый, пусть ежедневно придает новую ценность, равную 20 маркам. Первый получит за свой продукт 40 марок, второй—30, из которых в первом случае—20, во втором случае—10 марок возмещают средства производства, и каждому остается 20 марок. Так как они не могут по своему желанию менять сферы производства, то для них неравенство норм прибыли имеет лишь второстепенное значение. Из 20 марок, которые

им остаются, 10 представляют ту часть, которую они расходуют на средства существования, или,—говоря капиталистически,—их переменный капитал, в то время, как остаток образует прибавочную ценность. Для современного капиталиста дело представлялось бы в ином виде; в первой отрасли производства он должен свой капитал в 30 марок разделить на 20c+10v, чтобы получить 10 м.; во второй отрасли он должен был бы затратить такой же капитал на 15c+15v, чтобы получить 15 м. Так как капитал может по желанию переноситься из одной сферы в другую, то в результате конкуренции из-за сфер приложения произошло бы уравнение норм прибыли, когда цены установились бы не на уровне 40 и 30, но 35 для обоих отраслей.

Однако свой триумф Бемовская полемика торжествует, подставляя цифры в приведенный Марксом пример. При этом простое товарное производство, которое предполагает Маркс, одним мановением руки превращается в капиталистическое. Ибо что же иное означает это наделение у Бема одного рабочего средствами производства, для изготовления которых необходимо пять лет, в то время как средства производства другого изготовляются в несколько дней? Разве это не предполагает такую степень различия в органическом составе капиталов, которая является уже продуктом капиталистического развития? У самостоятельного ремесленника, которого имел в виду Маркс, средства производства, это—сравнительно простые орудия, не различающиеся слишком сильно по своей ценности в разных сферах производства. Средства производства более значительные (например, сукновалки) обыкновенно составляли собственность цеха или города, и доля участия каждого ремесленника не была велика. В доканиталистических условиях мертвый труд вообще играл ничтожную роль по сравнению с живым. Но как бы незначительны ни были имевшиеся различия, все же они обусловливали известное неравенство норм прибыли; выравниванию их препятствовали искусственные ограничения, которыми была обставлена каждая отрасль производства. Там же, где средства производства значительно преобладали над живым трудом, рано развивается товарищеская форма предприятий, быстро принимающая капиталистический характер и по большей части завоевывающая юридически или фактически монопольное положение (горное дело!).

Маркс предполагает далее рабочих, которые обмениваются друг с другом продуктами. И вот Бем скорбит о несправедливости, которая заключается в том, что один, после того, как он проработал шесть лет, получает лишь эквивалент за свое рабочее время, но не получает сверх того возмещения за время ожидания. Однако, если один должен шесть лет ждать выручки, то другой должен шесть лет ждать продукта; в течение шести лет он должен накапливать продукты собственного производства, чтобы обменять их в конце-концов на готовое изделие. Для какой-либо компенсации нет ни малейшего повода. В действительности предположение такой большой разницы во времени обращения так же мало исторично, как и предположение крупных различий в органическом составе этих «капиталов».

Однако Бем не довольствуется средневековьем. И в «современном мире» он находит отношения, которые соответствуют гипотезе Маркса. Они имеют место, как подчеркивает, якобы, сам Маркс, в случае владеющего землею крестьянина и в случае ремесленника. Последние должны были бы получать одинаковый доход, безразлично, составляет ли их капитал, вложенный в сред-

ства производства, 10 или 10.000 флоринов, что, очевидно, не соответствует действительности. Разумеется, не соответствует! Только Маркс никогда не утверждал, что в «современном» мире существует два порядка образования цен, смотря по тому—произведен продукт капиталистом или ремесленником. Под «современным» (modern) миром Маркс подразумевает здесь не капиталистический, как это думает впавший в совершенно невероятное заблуждение Бем, но средневековый в противоположность к античному, как это ясно из всего контекста.

Однако и взгляд Маркса на образование равной нормы прибыли также, по мнению Бема, исторически несостоятелен; здесь Бем подхватывает возражение, которое сделал Зомбарт в своей известной критике III тома. Зомбарт совершенно не касается вопроса о значении закона ценности для докапиталистических отношений; он возражает лишь против того утверждения, что равенство норм прибыли установилось путем нивелировки первоначально неравных норм прибавочной ценности при переходе от средневекового хозяйства к капиталистическому. Наоборот, с самого начала имевшаяся уже коммерческая норма прибыли образовала исходный пункт для капиталистической конкуренции. Если бы исходным пунктом была прибавочная ценность, то капитализм должен был бы прежде всего овладеть отраслями производства с преобладанием живого труда и только позже постепенно захватить другие области, после того, как развитие производства в первых отраслях вызвало бы понижение цен. Однако производство развивается как раз в тех отраслях с большим постоянным капиталом, например, в горном деле. Для капитала не представлялось бы ни малейшего повода переходить в ту или иную сферу производства, если бы он не имел в виду обычную для данной страны прибыль, которая существовала в виде коммерческой прибыли. Можно и другим путем доказать ошибку. Если бы при зарождении капиталистического производства необычайно высокая прибыль получалась в отраслях, работающих преимущественно с переменным капиталом, то это предполагает, что капитал одним ударом превратил доселе самостоятельных производителей в наемных рабочих и заставил их работать за вознаграждение, например, вполовину меньшее, чем прежде, присваивая себе целиком всю разницу, которая получалась бы при ценах, соответствующих ценности товаров. Однако капиталистическое производство делает свои первые шаги с рабочими, представляющими деклассированные элементы общества, и отчасти развивается в совершенно новых, им самим созданных отраслях производства; можно быть уверенным, что при установлении цен исходным пунктом сразу же явился затраченный капитал *).

В противоположность взглядам Зомбарта, мы придерживаемся того мнения, что выравнивание различных норм прибавочной ценности в одну норму прибыли есть результат продолжительного процесса. Зомбарт думает, что невозможно объяснить, какие причины могли бы побудить капиталиста стремиться овладеть производством, если бы он, как промышленный капиталист, не мог бы рассчитывать на ту же прибыль, которую он привык получать, как купец! Однако,—и это, как нам кажется, упускает из виду Зомбарт,—купец, став промышленником, не перестает в то же время быть купцом. Его капи-

*) «Zur Kritik des ökonomischen Systems von Karl Marx». Brauns «Archiv». VII. S. 585.

тал, вложенный в экспорт, представлял для него главный интерес; затрачивая добавочный капитал (который не был слишком велик при сравнительно небольшом постоянном капитале), чтобы производить товары за собственный счет, он приобретал, во-первых, возможность доставлять регулярно и в большем количестве, чем прежде, нужные товары, что было важно при быстро растущем рынке, и, во-вторых, присваивая часть прибавочного труда ремесленников, которых он заставил работать на себя, он реализовал добавочную прибыль. Если норма прибыли капитала, вложенного им в промышленное предприятие, и была ниже той, которую приносил его коммерческий капитал, то общая норма прибыли теперь увеличилась. Однако, норма прибыли его промышленного капитала стала быстро возрастать, как только он, благодаря применению новой техники (кооперация, мануфактура) стал производить продукты дешевле, чем его конкуренты, которые все еще покрывали свой спрос продуктами ремесленного производства. Конкуренция принудила затем других купцов также перейти к этой новой системе и отказаться от ремесленных продуктов. Когда с прогрессом капитализма производство перестало иметь в виду, главным образом, спрос купца-экспортера, и капиталист начал завоевывать внутренний рынок, его прибыль определялась, главным образом, следующими моментами. Он производил технически более совершенными средствами, и, следовательно, дешевле, чем ремесленник. Рыночная ценность продукта последнего определяла первоначально цену, поэтому капиталист реализовал сверхприбавочную ценность, иначе говоря, сверх-прибыль, которая была тем выше, чем больше было его техническое превосходство. К тому же и правовые привилегии превращали использование этой лучшей техники по большей части в монополию отдельных капиталистов. Только с уничтожением монополий, с устранением препятствий, мешающих перенесению капитала и связывающих рабочего, стало возможным выравнивание первоначально различных норм прибыли.

Прежде всего, благодаря вытеснению ремесла и благодаря увеличению капиталистической конкуренции, внутри одной и той же отрасли производства была уменьшена сверх-прибыль; затем свобода передвижения между различными отраслями производства вызвала уравнение прибыли до одной средней нормы.

Причиной, побуждающей коммерческий капитал овладевать производством, была потребность в увеличении и регулярном снабжении, созданная расширением рынков. Прибыль, которую он при этом реализовал, могла быть меньше, чем коммерческая. Ибо она представляется ему сверх-прибылью, которая получается потому, что товары собственного производства обходятся ему дешевле, чем те, которые приобретались у независимых ремесленников. В дальнейшем эта сверх-прибыль, которую, благодаря техническому превосходству получает капиталист, когда он борется с ремесленником за внутренний рынок, и является побудительной причиной для капитала к захвату данной отрасли производства. Его органический состав, различию которого в докапиталистическую эпоху Бем и Зомбарт, несомненно, придают преувеличенное значение, играет при этом очень небольшую роль.

Только там, где средства производства фактически имеют большое значение, как, например, в горном деле, сильный перевес постоянного капитала был причиной капитализации, для которой форма товарищеского предприятия

представляла подготовительную ступень. Такие предприятия по большей части являются одновременно предприятиями монопольными, доходность которых определяется по особым законам.

Но раз капиталистическая конкуренция установила одинаковую норму прибыли, последняя является исходным пунктом для капиталистических расчетов при помещении капитала во вновь создаваемые отрасли производства. Здесь цены с самого начала колеблются около производственной цены, получение которой обусловливает доходность данной отрасли производства. Капиталист сам идет навстречу конкуренции, кладя в основу расчетов, как регулятив, среднюю норму прибыли, и конкуренции остается лишь следить за тем, чтобы не было уклонений и чтобы прибыль на долгое время не превышала средней нормы.

* * *

Впрочем, ясно, что образование цен в капиталистическом обществе должно быть иным, чем в общественных формациях, покоящихся на простом товарном производстве.

Обращаясь к рассмотрению «четвертого аргумента», мы проследим эти изменения в характере образования цен. По Марксу, так утверждает Бем, закон ценности в усложнившемся народном хозяйстве регулирует, хотя бы косвенно и в последней инстанции, цены производства, поскольку определяемая по закону ценности общая ценность товаров регулирует совокупную прибавочную ценность, последняя же, в свою очередь—среднюю прибыль и тем самым общую норму прибыли (III_1, стр. 155 русск. перев.). Средняя норма прибыли определяет цену производства. Это, по мнению Бема, с точки зрения учения Маркса, правильно, но не совсем. Бем «восполняет недостаток» следующим образом. Цена производства равна издержкам производства, плюс средняя прибыль. Издержки производства средств производства слагаются снова из двух частей: во-первых, из расходов на заработную плату и, во-вторых, из расходов на средства производства, ценность которых уже превращена в цены производства. Если мы продолжим этот анализ, то мы, в конце-концов, придем, так же, как и Смит со своей natural price, которую Маркс отожествляет с ценою производства, и, наконец, к разложению цены производства на два слагаемых или *определителя* (!): на сумму всех заработных плат, уплаченных в продолжение различных стадий производства, которые вместе представляют собственные издержки производства товара, и на сумму всех прибылей, вычисленных по этим расходам на заработную плату. Таким образом, средний процент, начисляемый при производстве товара, есть *одно* из оснований, определяющих цену производства. Что касается другого основания—заработной платы, то Маркс об этом ничего более не говорит. Между тем, очевидно, что сумма выплаченных заработных плат есть произведение количества выполненного труда, умноженного на высоту заработной платы. Так как по закону ценности меновые отношения определяются исключительно *количеством* затраченного труда, и Маркс отвергает какое бы то ни было влияние данного уровня заработной платы на ценность товара, то точно также очевидно, что из двух слагаемых этого фактора, именно расходов на заработную плату, с законом ценности гармонирует только одно—количество затраченного труда, в то время как другое—высота заработной платы вводит

в число причин, определяющих цену производства, основание, совершенно чуждое закону ценности.

Прямо невероятно, с какой самоочевидностью ухитряется Бем сделать из мыслей Маркса выводы, которые этот последний expressis verbis отметил, как грубейшую ошибку. Предоставим слово самому Марксу: «Итак ценность годового товарного продукта, равно как и ценность товарного продукта отдельной затраты капитала, и ценность единичного товара распадается на две составные части: на одну A, возмещающую ценность авансированного постоянного капитала, и другую—B, выступающую в форме дохода, заработной платы, прибыли и ренты. Последняя составная часть ценности—B в том отношении представляет противоположность первой, A, что эта последняя при прочих равных условиях: 1) никогда не принимает формы дохода, 2) постоянно возвращается в форме капитала, и притом постоянного капитала. Однако другая составная часть B в свою очередь в себе самой содержит противоположные друг другу части. Прибыль и рента имеют то общее с заработной платой, что все они образуют три формы дохода. Несмотря на это, они существенно отличаются одна от другой тем, что в прибыли и ренте представлена прибавочная ценность, т.-е. неоплаченный труд, в заработной плате—оплаченный труд» *).

Воспроизводя, как мнение Маркса, ту «невероятную погрешность в анализе, которая проходила через всю политическую экономию, начиная с Адама Смита», Бем совершает двойную ошибку. Он абстрагирует прежде всего от постоянного капитала. Независимо от всего прочего, это менее всего допустимо там, где дело идет о превращении ценности в цену производства. Ибо для этого превращения решающее значение имеет органический состав капитала, следовательно, отношение постоянной части капитала к переменной. Здесь абстрагировать от постоянного капитала, значит отвлекаться от самой сути дела, значит сделать невозможным понимание процесса образования цены производства. Однако вторая ошибка является, пожалуй, еще более грубой. Делая вместе со Смитом переменный капитал и прибавочную ценность «components parts» (слагаемыми), или, как он выражается более резко, «детерминантами» (определителями) ценности, Бем превращает учение Маркса в его прямую противоположность. У Маркса ценность есть prius, данное, v и m, только части, величина которых ограничена новой ценностью, приданной к уже овеществленному мертвому труду (c) и определяемой количеством затраченного живого труда. Сколько из этой новой ценности, разлагаемой на v+m, но не возникающей из них, придется на долю v, и сколько на долю m, это зависит от ценности рабочей силы—ценности необходимых для ее поддержания средств существования, в то время как остаток приходится на долю m. Бем остается во власти капиталистической иллюзии, по которой издержки производства являются конституирующим фактором ценности, или цены. Абстрагируя при этом от c, он закрывает себе совершенно доступ к пониманию процесса образования ценности. Он не видит того, что в продукте та часть издержек производства, которая представляет собой постоянный капитал, воспроизводится, не изменяясь по своей ценности. Иначе обстоит дело с той частью, которая представляет v. Ценность переменного капитала

*) Срв. «Капитал» III_2, стр. 368. Перев. под ред. Степанова и Базарова.

воплощена в тех средствах существования, которые потребляются рабочим. Их ценность этим уничтожается. Вновь же произведенная рабочими ценность принадлежит капиталисту. Часть этой новой ценности снова затрачивается или как переменный капитал, являясь как бы его возмещением, так же, как другая часть возвратившейся в его распоряжение ценности возмещает постоянный капитал, ценность которого фактически перенесена на продукт. Разница между c и v этим самым сглаживается, процесс образования ценности становится загадкой; источником ценности является уже не труд, но ценность представляется образующейся из издержек производства, плюс некоторый, откуда-то происходящий излишек. «Цена труда» является, таким образом, причиною цены продукта, благодаря чему весь анализ в конце-концов вращается в кругу, выводя объяснение цены из цены. Вместо того, чтобы рассматривать ценности как величину, которая по определенным законам распадается на две части, из коих одна возмещает постоянный капитал, а другая становится доходом (v+m), самый доход делают элементом, конституирующим цену, при чем вовсе забывают о постоянном капитале. Итак, Маркс настойчиво подчеркивает, что было бы ошибочно «утверждать, что ценность заработной платы, норма прибыли и норма ренты образуют самостоятельные конституирующие ценность элементы, из совокупности которых, если оставить в стороне постоянную часть, образуется ценность товара; иными словами, было бы ошибкой сказать, что они образуют составные части, из которых слагается ценность товара или цена производства» *).

«Если же заработная плата не является элементом, конституирующим ценность, то, понятно, она не имеет никакого влияния на величину последней. Но каким же образом Бем приписывает ей влияние на ценность товаров? Чтобы показать это влияние, Бем составляет две таблицы. Три товара A, B и C имеют вначале одинаковую цену производства=100 при различном органическом составе капиталов. Дневная заработная плата=5; норма прибавочной ценности (m)=100%; при совокупном капитале=1500 средняя норма прибыли (p^1) равняется 10%.

ТОВАРЫ.	Рабочий день.	Заработная плата.	Вложенный капитал.	Средняя прибыль.	Цена производства.
A.	10	50	500	50	100
B.	6	30	700	70	100
C.	14	70	300	30	100
Сумма	30	150	1500	150	300

*) Срав. «Капитал» III^2, стр. 382. Перев. под ред. Степанова и Базарова.

Пусть заработная плата увеличится с 5 до 6; из 300 теперь 180 будет падать на заработную плату и 120—на прибыль. p^1 равно теперь 8%; таблица изменится следующим образом:

ТОВАРЫ.	Рабочий день.	Заработная плата	Вложенный капитал.	Средняя прибыль.	Цена производства.
A.	10	60	500	40	100
B.	6	36	700	56	92
C.	14	84	300	24	108
Сумма.	30	180	1500	120	300

Таблицы прежде всего отличаются некоторыми особенностями; а именно мы не видим из них, как велик постоянный капитал, который применяется в отдельных отраслях, и какая часть из него переносится на продукт. Только таким образом Бем приходит к выводу, что, хотя и применяется значительный постоянный капитал, но это не сказывается на продукте и цены производства повсюду одинаковы. Еще менее понятно, каким образом происходит, что при *одинаковом* капитале уплачивается *повышенная* заработная плата. Эта ошибка, впрочем, мало что изменяет в конечном результате, так как Бем все же принимает во внимание органический состав, хотя и делает это в форме, лишенной логической определенности, а именно тем самым, что он вычисляет прибыль по отношению к затратам капитала различной величины; его вторая ошибка меняет только абсолютные цифры, впрочем также и относительные, поскольку норма прибыли падает значительнее, чем указывает Бем, так как капитал в целом возрос. Однако, тем, что постоянный капитал не принят во внимание, мы лишены возможности проникнуть в сущность фактически совершающихся процессов. Если мы исправим Бемовские таблицы, то получим:

ТОВАРЫ.	Капитал в целом c+v.	c.	v.	m.	p.	Ценность.	Цена производства.
A.	500	450	50	50	50	550	550
B.	700	670	30	30	70	730	770
C.	300	230	70	70	30	370	330
Сумма. . . .	1500	1350	150	150	150	1650	1650=1500+150

Чтобы не усложнять излишне вычислений, мы предположим, что все израсходовано целиком. Если теперь заработная плата поднимается с 5 на 6, то весь капитал увеличивается с 1500 до 1530, так как v возрастает с 150 до 180; прибавочная ценность уменьшается до 120, норма прибавочной ценности—до 66,6%, и норма прибыли составляет около 7,8%. Создаваемая рабочими новая ценность остается без изменений и равна 300. Однако изменился органический состав капитала, и этим самым фактор, имеющий решающее значение при превращении ценности в цену производства.

ТОВАРЫ.	Капитал в целом.	c.	v.	m.	p.	Ценность.	Цена производства.
A.	510	450	60	40	40	550	550
B	706	670	36	24	55	730	761
C.	314	230	84	56	25	370	339
Сумма	1530	1350	180	120	120	1650	1650

Таблица показывает «влияние общих колебаний заработной платы на цены производства» (III, 1; гл. XI). Мы получаем следующие законы *):

1) В отношении капитала среднего для данного общества органического состава, цена производства товаров осталась неизмененной.

2) В отношении капитала низшего состава цена производства поднялась, хотя и не в том отношении, в каком упала прибыль.

3) В отношении капитала более высокого состава цена производства товаров упала, хотя и не в том отношении, как прибыль. (Ср. III, 1; стр. 176 и 177 русск. пер.). Что из этого вытекает? Если верить Бему, то оказывается, что повышение заработной платы при том же самом количестве труда вызвало заметные изменения первоначально одинаковых цен производства. Эти изменения могут быть лишь отчасти сведены к изменениям нормы прибыли. Разумеется, не полностью, так как, например, цена производства поднялась, несмотря на падение нормы прибыли. Этим поставлено вне всякого сомнения, что в высоте заработной платы мы имеем дело с основанием, определяющим цены, действие которого отнюдь не исчерпывается влиянием на высоту прибыли, но проявляется совершенно самостоятельным и непосредственным образом. Бем думает поэтому, что он имел основание предпринять самостоятельное обследование этого пропущенного Марксом момента, определяющего цены (у Маркса имеется об этом целая глава!).

Мы видели, что эта «самостоятельность» простирается так далеко, что побуждает даже приписывать Марксу прямую противоположность тем мнениям, которые он действительно высказывал. Мы увидим теперь, как далеко прости-

*) Мы имеем в виду только повышение заработной платы; ее понижение, понятно, вызовет прямо противоположенный результат.

рается самостоятельность Бема по отношению к законам логики. Одно и то же изменение заработной платы не оказывает в первом случае никакого действия на цену, вызывает во втором случае повышение и в третьем—понижение цены. И это Бем называет «самостоятельным и непосредственным» влиянием. Наоборот, таблицы совершенно ясно показывают, что заработная плата не может представлять собой *никоим образом* ни слагаемого, ни определяет цены, ибо иначе увеличение этого слагаемого должно было бы повышать цену, а уменьшение его—понижать ее; точно также и средняя прибыль не является самостоятельной, образующей цену величиной, иначе во всех случаях, когда падает прибыль, должна была бы падать и цена. Но Бем тем, что он абстрагируется от постоянного капитала и оставляет без внимания органический состав капитала, делает для себя невозможным объяснение данного процесса.

И вообще этот процесс не может быть понят с точки зрения индивидуального капитала. Но рассматривая заработную плату, как самостоятельное слагаемое цены, мы как раз остаемся на этой точке зрения. И тогда является непонятным, каким образом повышение заработной платы, эта увеличенная затрата капитала, не возмещается капиталисту в цене товара.

Только общественные отношения, сущность которых вскрывает закон ценности, объясняют нам, почему одна и та же причина: повышение заработной платы так различно влияет на отдельные капиталы, в зависимости от отношения, в котором каждый из них принимает участие в общественном процессе возрастания ценности? Но их участие в общественном процессе создания ценности характеризуется только их органическим составом.

Изменившееся отношение капиталов состоит в том, что изменились их доли в производстве совокупной ценности; прибавочная ценность уменьшилась; в этом уменьшении различные капиталы участвовали различным образом, смотря по количеству труда, которое ими приводилось в движение; но так как уменьшение прибавочной ценности должно быть разложено на них равномерно, то изменение их долей в производстве прибавочной ценности должно найти себе выражение в изменении цен. Капиталы поэтому нельзя рассматривать индивидуально, как это делает Бем, но следует подходить к ним с точки зрения общественного целого, т.-е. рассматривать их как части общественного капитала.

Но какую роль играют они в создании совокупной ценности общественного продукта, можно уяснить себе только из их органического состава, т.-е. из того отношения, в котором мертвый труд, ценность которого лишь переносится на продукт, стоит к создающему новую ценность живому труду, показателем которого служит переменный капитал. Абстрагировать от этого органического состава, значит абстрагировать от той общественной связи, в которой находится каждый отдельный капитал; благодаря этому, становится невозможным понимание процесса превращения ценности в цену производства, так же, как и понимание законов, управляющих изменениями цен производства, законов на первых порах отличающихся от тех, которым подчиняется изменение ценности, но в конечном счете сводящихся к тем же изменениям ценностных отношений.

«Если цена производства в примере втором повышается, а в примере третьем—падает, то уже одно это противоположное действие, вытекающее из падения нормы прибавочной ценности или из общего повышения заработной

платы, показывает, что дело здесь не может итти о возмещении в цене товара потери, вызываемой повышением заработной платы; в третьем случае цена производства, очевидно, отнюдь не вознаграждает капиталиста, да и во втором случае повышение цены не предотвращает падения прибыли. В обоих случаях—и там, где цена повышается, и там, где она падает,—прибыль одинакова с прибылью среднего капитала, где цена остается неизменной... Отсюда следует, что, если бы в случае втором цена не возрастала, а в третьем—не падала, товары продавались бы в случае втором с прибылью меньшей, а в третьем—большей, чем новая понизившаяся средняя прибыль. Само собой понятно, что в зависимости от того, 50, 25 или 10 процентов капитала затрачивается на труд, повышение заработной платы должно в различной степени затрагивать того, кто затратил на заработную плату $^1/_{10}$, того, кто затратил на нее ¼ или ½ своего капитала. Повышение цен производства, с одной стороны, их падение—с другой, смотря по тому, выше, или ниже состав данного капитала, по сравнению с общественным средним составом, происходит лишь благодаря процессу уравнения прибыли по мерке новой, понизившейся средней прибыли» *). Ясно, что если вследствие установления общей нормы прибыли для капиталов низшего состава (где v выше среднего) ценности понижаются при превращении их в цены производства, то для капиталов высшего состава они повышаются.

Изменение цены производства вследствие изменения высоты заработной платы выступает непосредственно, как действие новой средней нормы прибыли. Установление последней является, как мы ранее видели, следствием капиталистической конкуренции. Полемика Бема уже потому является неудачной, что она направлена не против решающего пункта, но против явления, которое вытекает как необходимое следствие, если только дана предпосылка—образование цен производства на основе равной нормы прибыли.

Господство закона ценности над ценами производства не подрывается ничуть тем обстоятельством, что в самой заработной плате, т.-е. в авансированной переменной части капитала уже совершилось превращение ценности необходимых для рабочих средств существования в цену производства. Утверждение, будто цена производства товара не регулируется законом ценности, нельзя доказать, перенеся это же самое утверждение на другой товар—на рабочую силу. Ибо отклонение цены производства переменной части капитала от ценности происходит точь-в-точь по тем же законам, как и отклонение цены всякого другого товара; в этом отношении не существует никакого различия между переменной и постоянной частью капитала. Только сделав «ценность рабочей силы» определителем ценности продукта, Бем мог впасть в ошибку, будто отклонение цены рабочей силы от ее ценности представляет собой нарушение закона ценности. Но также и величина совокупной прибавочной ценности не изменяется благодаря этому отклонению. Ибо совокупная прибавочная ценность, которая равна совокупной прибыли и определяет норму последней, вычисляется для общественного капитала в целом, где отклонения цен производства от ценности взаимно уничтожаются.

Нам остается еще рассмотреть лишь одно возражение Бема. Если по

*) Срв. «Капитал» III_1, стр. 177. Перев. под редакцией Степанова и Базарова.

Марксу совокупная прибавочная ценность определяет среднюю норму прибыли, то все же она образует лишь *один* из определяющих моментов, в то время как другой, *совершенно независимый от закона ценности* момент заключается в величине имеющегося в наличности общественного капитала. Независимо от того, что величину общественного капитала Бем предполагает здесь заранее известной, что в свою очередь, так как дело идет об определении ценностной величины, предполагает закон ценности,—это возражение было достаточно определенно опровергнуто самим Марксом: «Изменяется отклонение суммы, присваиваемой прибавочной ценности ко всему капиталу, авансированному обществом. Так как изменение исходит здесь не от нормы прибавочной ценности, то оно должно исходить от всего капитала, а именно от постоянной его части. Масса последней, рассматриваемая с технической стороны, увеличивается и уменьшается пропорционально количеству рабочей силы, купленной постоянным капиталом, а масса ее ценности растет и понижается вместе с ростом и уменьшением самой ее массы; следовательно, опять-таки пропорционально массе ценности переменного капитала. Если же то же самое количество труда приводит в движение больше постоянного капитала, то значит труд стал производительнее. При обратном предположении—обратный вывод. Следовательно, во всяком случае должно иметь место изменение в производительности труда и должно произойти изменение ценности известных товаров». Таким образом, существует закон: «Если изменяется цена производства известного товара вследствие изменения общей нормы прибыли, то, хотя собственная ценность этого товара может остаться неизменной, тем не менее необходимо должно произойти изменение ценности других товаров» *).

III

Субъективная точка зрения.

Как раз феномен изменения цен производства доказал нам, что явления капиталистического общества не могут быть поняты, если мы станем рассматривать товар или капитал в их изолированности. Наоборот, только общественное отношение, в котором они нам даны, и изменения этого последнего управляют движениями отдельных капиталов, являющихся лишь частями совокупного общественного капитала, и объясняют нам эти движения. Однако представитель психологической школы политической экономии не видит этой общественной связи; он, поэтому, неизбежно обречен на непонимание той теории, которая как раз ставит себе задачей вскрыть общественную обусловленность хозяйственных явлений, и для которой поэтому исходным пунктом является общество, а не индивид. Понятиям и выражениям этой теории он постоянно придает индивидуалистический смысл, и попадает таким образом в противоречия, которые он приписывает теории, хотя они должны быть отнесены за счет его понимания этой теории.

Это постоянное qui pro quo мы можем проследить на всех стадиях полемики Бема. Уже основное понятие системы Маркса, понятие труда, созидающего ценность, Бем трактует чисто субъективно. Труд у него оказывается

*) Срв. „Капитал" III, стр. 180, перев. под ред. Степанова и Базарова.

идентичным с «усилием» (Mühe). Сделав индивидуальное ощущение неудовольствия причиной ценности, он вполне естественно приходит к тому, чтобы в ценности видеть только психологический факт, выводя ценность товаров из *оценки труда*, которого они стоили. Это то известное обоснование, которое Адам Смит, неоднократно покидающий объективную точку зрения ради субъективной, дает своей теории ценности, говоря: «Одинаковые количества труда должны повсюду и во всякое время иметь для самих рабочих одну и ту же ценность. При нормальном состоянии своего здоровья, сил и деятельности и при среднем уровне ловкости, которой он обладает, он должен будет всегда пожертвовать одинаковым количеством своего досуга, своей свободы и своего счастья». Но если труд, как «усилие», есть основание оценки, то «ценность труда» является элементом, конституирующим ценность товара, или, по выражению Бема, ее «детерминантой». Но в таком случае нет надобности видеть в ней единственное основание; на-ряду с ней имеется много других моментов, влияющих на субъективные оценки отдельных лиц и могущих с одинаковым правом выступать в качестве факторов, определяющих ценность. Итак, стоит лишь нам отождествить ценность товаров с оценкой, которую получают эти товары от индивидов, как признание труда единственным основанием этой оценки представится совершенно произвольным.

С субъективной точки зрения, на которой стоит Бем в своей критике, теория трудовой ценности с самого начала оказывается несостоятельной. И именно эта точка зрения мешает Бему увидеть, что понятие труда у Маркса прямо противоположно его собственному. Уже в «Zur Kritik der politischen Oekonomie» (1 Aufl. S. 37) Маркс точно формулировал противоположность его собственного взгляда и субъективистской позиции Смита в словах: Он «принимает объективное равенство, которое общественный процесс насильно устанавливает между неравными видами труда, за субъективное равноправие индивидуальных работ», при чем вместо равноправия можно было бы свободно поставить равноценность. Фактически Маркса вовсе не интересует индивидуальная мотивация оценки; сделать «усилие» всецело масштабом ценности в капиталистическом обществе было бы абсурдом, ибо собственники продуктов вообще не прилагали никаких усилий; это делали другие, те, кто произвел эти продукты, но кто ими не обладает. В действительности у Маркса в понятии труда, создающего ценность, отсутствует всякое индивидуальное отношение; труд выступает у него не как причина приятных или неприятных ощущений, но как присущая товарам объективная величина, определяемая степенью развития общественных производительных сил. В то время, как труд для Бема является лишь одним из моментов, определяющих оценки индивида, с точки зрения Маркса труд есть основа и связующее начало человеческого общества, которое обусловливает организацию последнего, степень развития его производительных сил, характер общественных связей. Поскольку труд понимается, как общественно определенная величина, т.-е. как совокупный труд всего общества, пропорциональной частью которого является всякий индивидуальный труд и поскольку в таком понимании он возводится в принцип ценности, все явления экономической жизни оказываются подчиненными объективной закономерности, не зависящей от воли отдельного человека и подвластной всецело общественным связям. Под оболочкой экономических категорий перед нами выступают общественные отношения—отношения производства, которые устанавливаются и воспроизводятся через по-

средство хозяйственных благ, или постепенно изменяются и требуют иного способа своей реализации.

Закон ценности становится таким образом законом движения определенной, покоящейся на товарном производстве, общественной организации, но в последнем счете все изменения в общественной структуре могут быть сведены к изменениям в производственных отношениях, т.-е. изменениям в развитии производительных сил и организации труда. Этим политическая экономия в резком противоречии с психологической школой понимается, как часть науки об обществе, а эта последняя, как историческая наука. Этой противоположности совершенно не сознает Бем. Вопрос о том, какой метод является правомерным для политической экономии, «субъективный», или «объективный», он решает в полемике с Зомбартом в том смысле, что один метод должен восполнять другой, в то время как здесь вообще речь идет не о двух различных методах, но различном понимании всей социальной жизни, о точках зрения, из которых одна исключает другую. Этим объясняется, что Бем, ведя полемику со своей субъективно-психологической точки зрения, видит противоречия теории Маркса, которые лишь потому кажутся ему таковыми, что он дает самой теории субъективистское истолкование.

Но если труд есть единственное мерило оценки и тем самым ценности, то для подобного предвзято-субъективистского понимания является единственно последовательным выводом, что товары могут обмениваться лишь в том случае, если они содержат равные количества труда, так как иначе непонятно, что можно заставить индивида отказаться от своей оценки. Если же факты не соответствуют этой предпосылке, то закон ценности теряет всякое значение, и труд становится лишь одним из оснований, определяющих ценность на-ряду с прочими. Отсюда то большое значение, которое Бем придает факту обмена товаров *не* на основании содержащегося в них равного количества труда. Это должно казаться противоречием, если ценность рассматривается не как объективная величина, но как результат индивидуальной мотивации. Ибо если труд есть масштаб моей оценки, то я только тогда буду склонен обменять свое благо, когда я получу взамен другое, которое, если бы я решил его произвести сам, стоило бы мне по крайней мере столько же труда. Продолжительное отклонение меновых отношений от этой нормы,—раз уже мы дали субъективистское истолкование закону ценности,—есть действительно внутреннее противоречие, уничтожение смысла (подразумевается—субъективистского смысла) закона ценности, который в данном случае должен дать мотивы хозяйственного поведения индивидов.

Иначе у Маркса. То обстоятельство, что хозяйственные блага содержат труд, есть им присущее свойство; то, что они могут быть обмениваемы,—есть другое свойство, зависящее только от воли их обладателей и предполагающее лишь, что они присваиваются и отчуждаются. Отношение между количеством труда и меновой пропорцией устанавливается лишь тогда, когда они систематически начинают *производиться* как товары, т.-е. как блага, предназначенные для обмена, следовательно в определенный период исторического развития. Количественное отношение, в котором они теперь обмениваются, зависит тем самым от времени, затраченного на производство, а оно в свою очередь определяется степенью развития общественных производительных сил. Меновое отношение теряет этим случайный, зависящий от произвола владельцев, характер. Общественные условия труда выступают как объективная

граница по отношению к отдельней личности, общественная связь господствует над поведением индивида.

Способ общественного производства определяет собой общественный процесс распределения, который уже не регулируется сознательно, как в коммунистической общине, но выступает как результат меновых сделок, заключенных отдельными независимыми производителями и подчиняющихся законам конкуренции.

Исходным пунктом для закона ценности Маркса является предположение, что товары обмениваются по их ценностям, т.-е. содержат в себе равные количества труда. Равенство трудовых затрат это лишь условие обмена товаров по их ценностям. С субъективистской точки зрения Бем принимает это условие за условие обмена вообще. Однако очевидно, что обмен товаров по их ценностям, с одной стороны, образует лишь теоретический исходный пункт для дальнейшего анализа, с другой же стороны, является господствующим для известной исторической фазы товарного производства, которой соответствует определенный род конкуренции.

Фактически в меновом отношении товаров, которое есть лишь вещественное выражение общественных отношений личностей, выявляется *равенство агентов производства.* Так как при простом товарном производстве друг другу противостоят равные, независимые и обладающие средствами производства рабочие, обмен совершается по ценам, которые имеют тенденцию соответствовать ценностям. Только таким образом может сохраниться механизм простого товарного производства и выполняются условия воспроизводства производственных отношений.

В этом обществе продукт труда принадлежит трудящемуся: если бы в результате постоянного уклонения—случайные взаимно компенсируются—у него отнималась часть продукта труда и доставалась другому, то это изменило бы основы данного общества; один стал бы наемным рабочим (тружеником домашней промышленности), другой—капиталистом. Это фактически представляет собой одну из форм разложения простого товарного производства. Но возможность его разложения предполагает изменившиеся общественные условия, которые поэтому изменили и обмен, как выражение общественных отношений.

В капиталистическом процессе обмена, целью которого является реализация прибавочной ценности, снова отражается равенство хозяйствующих субъектов. Однако последние не являются уже более самостоятельно работающими производителями, но владельцами капитала. Их равенство выражается в том, что обмен только тогда совершается нормально, когда прибыль равна средней прибыли. Обмен, который выражает равенство владельцев капитала, естественно определяется иначе, чем тот, основой которого является равенство трудовых затрат. Однако, в виду того, что основа того и другого общества—разделение труда и индивидуальная собственность—одни и те же, и в виду того, что капиталистическое общество может рассматриваться лишь как высшая модификация первого, закон ценности также не меняется в своей основе, подвергаясь лишь известным модификациям в способах своего проявления. Последние вызываются специфическим характером капиталистической конкуренции, которая обусловливает пропорциональное равенство капиталов. Доля участия в совокупном продукте, ценность которого по прежнему непосредственно определяется законом ценности, была раньше пропорцио-

нальна трудовым затратам индивида и стала теперь пропорциональна капиталу, необходимому для того, чтобы привести в действие известное количество труда. В этом находит себе выражение подчинение труда капиталу. Оно выступает как общественное подчинение; все общество разделено на капиталистов и рабочих, при чем первые владеют продуктом последних, все количество которого, определяемое по закону ценности, распределяется между первыми. Первые свободны и равны; их равенство проявляется в цене производства=к+р, где р пропорционально к. Рабочий в его зависимости выступает как составная часть к, на-ряду с машинами, смазочным маслом и рабочим скотом; он для капиталиста имеет значение лишь постольку, поскольку он покидает рынок и находится на фабрике, порождая прибавочную ценность. Только один момент он выступал в роли свободного человека, продавая на рынке свою рабочую силу. Краткий миг, когда рабочий на рынке является господином своего положения и затем долгие годы угнетения на фабрике показывают различие юридического и экономического равенства и разницу между требованиями равенства у буржуазии и у пролетариата.

Капиталистический способ производства—и в этом его историческое значение, которое позволяет видеть в нем преддверие социалистического общества—более, чем какой-либо из прежних способов производства, делает человека общественным существом, т.-е. он ставит его индивидуальное существование в зависимость от общественных условий, в которых человек находятся. Он делает это в антагонистической форме, создавая два больших класса, при чем общественный труд становится функцией одного, а пользование продуктами труда—функцией другого класса.

Отдельная личность не стоит еще в непосредственном отношении к обществу, но его экономическое положение определено его принадлежностью к данному классу. Отдельная личность существует как капиталист только потому, что его класс присваивает продукт другого класса и его собственная доля определяется только совокупной прибавочной ценностью, но не той прибавочной ценностью, которую он индивидуально присвоил.

Это значение класса делает закон ценности общественным законом. И только в случае, если бы он не подтвердился для сферы общественной, мы могли бы говорить о крушении теории.

В капиталистическом обществе каждая отдельная личность является или господином, или рабом, смотря по ее принадлежности к тому или другому из больших классов. Социалистическое общество освобождает личность, уничтожая антагонистическую форму общества и включая каждого непосредственно и сознательно в общественное целое. Общественная связь уже не скрывается за загадочными экономическими категориями, которые являются как бы естественными свойствами вещей, но выступает как свободно желаемый результат сотрудничества людей. Политическая экономия прекращает существование в своем прежнем виде, чтобы быть замененной учением о «богатстве народов».

Сила, которая производит превращение ценностей в цены производства, это конкуренция. Однако здесь речь идет о капиталистической конкуренции. Конкуренция необходима также и для того, чтобы продажа происходила по ценам, колеблющимся около ценности. При простом товарном производстве точно также происходит взаимная конкуренция готовых товаров, которая выравнивает индивидуальные ценности в одну рыночную ценность, объективно

исправляя субъективные ошибки отдельных личностей. Здесь же мы должны иметь в виду конкуренцию капиталов из-за различных сфер приложения, которая устанавливает равенство прибылей; конкуренцию, которая может стать действительной только по устранении всех правовых и фактических границ, препятствующих свободе передвижения труда и капитала. Если возрастающие различия в органическом составе капиталов и вместе с тем увеличивающаяся разность между количествами прибавочной ценности, непосредственно произведенными в отдельных сферах производства, сама является результатом капиталистического развития, то в то же время это развитие создает возможность и необходимость уничтожения этих различий для капитала и осуществляет равенство людей, как владельцев капитала.

Мы видели раньше, по каким законам совершается это выравнивание. Мы видели также, что только на основе закона ценности было возможно определить величину подлежащей распределению совокупной прибыли, равной совокупной прибавочной ценности, и этим самым степень отклонения цен производства от ценностей. Мы видели далее, как различия в ценах производства постоянно должны быть сводимы к изменениям в ценности и могут быть объяснены только на основе последних. Нас интересует лишь то, каким образом субъективистская точка зрения и здесь препятствует проникновению в ход мыслей Маркса.

Для Бема конкуренция—это только собирательное имя для всех тех психических мотивов и побуждений, которыми руководствуются стороны на рынке и которые таким образом оказывают влияние на образование цен. С этой точки зрения не имеет никакого смысла говорить о покрытии спроса и предложения в обычном значении, ибо известное число потребностей всегда остается неудовлетворенным; ибо для этой теории имеет значение не действительный спрос, но спрос вообще, при чем, во всяком случае, остается загадкой, каким образом мнения и желания тех, которые не могут купить, окажут влияние на продажные цены. Если Маркс ссылается на конкуренцию, т.-е. на психические мотивы, то не подрывает ли он этим значение своего объективного закона ценности?

Отношение спроса и предложения определяет цену, однако высота цены определяет отношение спроса и предложения. Если возрастает спрос, то возрастает цена; однако если возрастает цена, то падает спрос, и если падает цена, то спрос возрастает. Далее: если возрастает спрос и поэтому цена, то возрастает предложение, потому что производство становится более выгодным. Таким образом цена определяет спрос и предложение, а спрос и предложение определяет цену; далее спрос определяет предложение, а предложение определяет спрос. И кроме того, все эти колебания имеют еще тенденцию к выравниванию. Если спрос возрастает и цена поднимается выше нормального уровня, то увеличивается предложение; это увеличение легко переходит границу необходимого и тогда цена падает ниже нормы. И неужели среди этой путаницы не найдется твердой точки опоры?

Бем полагает, что предложение и спрос всегда покрывают друг друга, производится ли обмен по нормальным или ненормальным ценам. Но что же такое эта нормальная цена? На основе капиталистического производства условием производства является процесс превращения капитала в ценность, приносящую прибавочную ценность. Чтобы капиталист продолжал производ-

ство, он должен иметь возможность продать товар по цене, которая равнялась бы издержкам производства, плюс средняя прибыль. Если он не может реализовать этой цены—нормальной цены производимых капиталистическим способом товаров, то процесс воспроизводства останавливается, предложение падает до той точки, где соотношение спроса и предложения позволяют реализовать эту цену. Соотношение спроса и предложения перестает благодаря этому быть чисто случайным, оно выступает, как подчиненное цене производства, образующей центр, вокруг которого колеблются рыночные цены, отклоняясь в противоположных и потому взаимно компенсирующихся направлениях. Цена производства обусловливает таким образом предложение, воспроизводство товаров. И не только воспроизводство товаров. Достижение такого отношения между спросом и предложением, чтобы могла быть реализована нормальная цена, цена производства, необходимо для того, чтобы мог беспрепятственно совершаться ход капиталистического способа производства, чтобы общественные условия этого способа производства, движущим мотивом которого является стремление капитала к получению прибавочной ценности, чтобы эти условия снова воспроизводились в самом процессе обращения.

В общем и целом отношение предложения и спроса должно быть таково, чтобы могла быть реализована определяемая независимо от этого отношения цена производства, та цена, которая возвращает капиталисту издержки производства вместе с прибылью, ради которой он и предпринял производство. Тогда говорят, что предложение и спрос взаимно покрываются.

Взглянем теперь на спрос с другой стороны; он «существенно обусловливается отношением различных классов друг к другу и их взаимным экономическим положением, а, следовательно, во-первых, отношением всей прибавочной ценности к заработной плате, и, во-вторых, соотношением различных частей, на которые распадается прибавочная ценность (прибыль, процент, земельная рента, налоги и т. п.). Таким образом здесь снова обнаруживается, что отношение спроса и предложения абсолютно ничего не в состоянии объяснить, пока не раскрыт базис, на котором покоится само это отношение». *).

Маркс дает таким образом объективные законы, которые осуществляются через посредство «психических побуждений» отдельных лиц и господствуют над ними. Психологическая школа могла попытаться объяснить лишь одну сторону,—спрос. Она думает найти это объяснение в классификации отдельных потребностей, которые образуют спрос. Она упускает из виду, что существование потребности еще ничего не говорит о возможности удовлетворить эту потребность. Но эта возможность удовлетворения не зависит от доброй воли того, кто имеет потребность, но от его экономической мощи, от той доли в общественном продукте, которой он может распоряжаться, от величины эквивалента, который он может предложить за продукты, находящиеся в руках других лиц.

Сделав производительные силы человеческого общества, в той определенной организационной форме, которую им дает общество, основным понятием политико-экономических исследований, Маркс представил экономиче-

*) Срв. „Капитал“ III_1, стр. 156, перев. под ред. Степанова и Базарова.

ские явления и их изменения как закономерный процесс, зависящий *причинно* от развития производительных сил. При этом, согласно диалектическому методу, историческое развитие всюду идет параллельно с развитием понятий, так что развитие общественных производительных сил то выступает в исторической его реальности, то как отражение ее в системе понятий. Этот именно параллелизм содержит в себе наиболее строгое эмпирическое доказательство правильности теории. Исходным пунктом необходимо является товарная форма; это простейшая форма, в которой ставится проблема экономического метода исследования, как своеобразного научного метода. Ибо в товарной форме уже оживает тот мираж, который возникает от того, что общественные отношения личностей принимают форму вещественных свойств предметов. Это тот мираж вещественности, который делает экономические проблемы столь загадочными. Общественные свойства личностей проявляются как вещественные свойства предметов, подобно тому, как субъективные формы созерцания (время и пространство) представляются объективными свойствами вещей. Маркс, уничтожив этот мираж, и вскрыв отношения личностей и общественных явлений там, где до него видели только отношения вещей и индивидов, дал цельное и лишенное противоречий объяснение феноменам, на которых потерпела крушение классическая политическая экономия. Она должна была потерпеть крушение, потому что она рассматривала производственные отношения буржуазного общества, как естественные и неизменные. Доказав историческую обусловленность этих производственных отношений, Маркс мог продолжать анализ там, где должны были его прекратить классики.

Но это доказательство исторически преходящего значения буржуазных производственных отношений означало смерть политической экономии, как *буржуазной* науки и заложение основ политической экономии, как *пролетарской* науки.

Для представителей буржуазии, поскольку они хотели изображать собой нечто большее, чем простые апологеты, которые в эклектизме, лишенном всякой критики, должны искать ненадежную опору своим теориям гармонии, оставались открытыми только два пути. Они могли игнорировать теорию, пытаясь поставить на ее место историю хозяйства, как это сделала историческая школа в Германии, ограниченная даже в своей специфической области недостатком цельного понимания явлений хозяйственной жизни. Иную позицию занимает психологическая школа политической экономии. Она пытается дать теорию экономических явлений, исключая самую экономику из своего поля зрения. Вместо экономического, общественного отношения она избирает исходным пунктом своей системы *индивидуальное* отношение между человеком и вещами. Она рассматривает это отношение с психологической точки зрения, как подчиненное естественным неизменным законам. В ней не находят себе места производственные отношения в их общественной определенности, точно так же, как ей чужда мысль о закономерно складывающемся развитии экономических явлений. Эта экономическая теория означает отрицание экономики; последнее возражение, которое буржуазная экономическая наука выдвигает против научного социализма, заключается в самоупразднении политической экономии.

Дом Советского Строительства
Московской Области
Библиотека имени
Якова М. Свердлова